

Татьяна Зиновьевна Позняк¹
tzpoznyak@mail.ru

«ЗЛОПОЛУЧНЫЙ БУФЕР»: БОРЬБА СТОРОННИКОВ И ПРОТИВНИКОВ БУФЕРНОГО ГОСУДАРСТВА И МАССОВЫЕ НАСТРОЕНИЯ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКЕ В 1920—1922 гг.

В статье рассматриваются борьба сторонников и противников буфера в Дальбюро ЦК РКП(б) и массовые политические настроения в Дальневосточной республике (ДВР). Автор анализирует не только динамику разногласий среди ответственных партийных работников, но и то, как раскол в их рядах отражался на работе областных партийных и государственных органов и как население республики относилось к буферу и коммунистам. Несмотря на периодически приходящие из центра указания продолжать строительство буфера, борьба сторонников и противников этой идеи в Дальбюро продолжалась с начала 1920 г. и до середины 1921 г., а прекратилась только с отъездом А.М. Краснощёкова из ДВР. Это наводит на мысль о том, что столкновения носили не только идеологический характер (разное понимание сущности буфера), но и личностный — неприязнь к А.М. Краснощёкову, амбиции членов Дальбюро и правительства республики. Имеющиеся разногласия мешали работе не только Дальбюро, но и правительства ДВР, областных партийных и государственных органов власти. Большинство ответственных партийных работников и рядовых коммунистов внутренне не могло примириться с буфером и стремилось к скорейшему объединению с Советской Россией. Массовые же настроения были разнообразными и часто полярными — от требования ликвидировать буфер и установить советскую власть до призывов к созданию действительно буржуазно-демократического буфера со свободой частного предпринимательства, слова, печати, собраний, многопартийности, с постоянно действующим парламентом. Поддержка существующей власти зависела от экономической ситуации в республике, а также от степени давления власти на сельское население, которое выражало недовольство усилением подводной повинности, продовольственной развёрстки или налогового бремени, мобилизаций и проч.

Ключевые слова: Дальневосточная республика, Дальбюро, Сиббюро, ЦК РКП(б), буфер, массовые настроения, Советская Россия.

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.

Tatiana Z. Poznyak²

tzpoznyak@mail.ru

“THE ILL-FATED BUFFER”: THE STRUGGLE OF SUPPORTERS AND OPPONENTS OF THE BUFFER STATE AND MASS SENTIMENTS IN THE FAR EASTERN REPUBLIC IN 1920–1922

The article is devoted to the struggle of supporters and opponents of the buffer in the Far East Bureau (Dalburo) of the Central Committee of the RCP(b) and mass political sentiments in the Far Eastern Republic. The author analyzes not only the dynamics of disagreements among responsible party workers, but also how the split in their ranks affected the work of the regional party and state bodies and how the population of the republic treated the buffer and the communists. Despite the periodically repeated instructions from the center about the invariability of the line on the buffer, the confrontation between supporters and opponents of the buffer in Dalburo continued throughout 1920 and until the middle of 1921 and ceased only with the departure of A.M. Krasnoshchekov from the Far East. This suggests that it was not only ideological in nature — a different understanding of the nature of the buffer, but also personal — dislike for A.M. Krasnoshchekov, ambitions of members of the Dalburo and the government. These disagreements interfered with the work not only of the Dalburo, but also of the government, regional authorities. Many responsible party workers and rank and file communists could not internally reconcile themselves with the buffer and strove for the speediest unification with Soviet Russia. The mass moods were varied and often polar — from the demand for the elimination of the buffer and the establishment of Soviet power to the establishment of a truly bourgeois-democratic buffer with freedom of private enterprise, the press, meetings, multi-party system, and a permanent parliament. Support for the existing authorities depended on the economic situation in the republic, as well as on the degree of pressure from the authorities on the rural population, which expressed dissatisfaction with the increased underwater conscription, food distribution or tax burden, mobilizations, etc.

Keywords: Far Eastern Republic, Far East Bureau (Dalburo), Siberian Bureau (Sibburo), Central Committee of the RCP(b), buffer, mass moods, Soviet Russia.

*Беднота прокликает тот час,
когда родился на свет этот злополучный буфер³.*

В советской историографии проблема разногласий между сторонниками и противниками «буфера» изучалась довольно активно [1; 6; 12; 17; 18; 28 и др.]. Наиболее полное исследование данной проблемы осуществлено Б.М. Шерешевским [26; 27]. Большинство исследователей

² Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

³ Из доклада председателя Баргузинского укома РКП(б) И. Емельянова Прибайкальскому губкому РКП(б) 5 января 1921 г. [ГАРБ. Ф. П-57. Оп. 2. Д. 103. Л. 22].

антибуферная позиция некоторых членов Сиббюро и Дальбюро ЦК РКП(б) трактовалась как отклонение от линии партии, связанное с недооценкой необходимости мирной передышки для Сибири и страны в целом, непониманием внешнеполитического положения советского государства и трудностей, возникших вследствие наступления Красной армии за Байкал [12, с. 9—10; 26, с. 19—20]. При этом некоторые из авторов критиковали и приверженца буфера А.М. Краснощёкова⁴, обвиняя его в правом оппортунизме, в стремлении превратить Дальневосточную республику (ДВР) в самостоятельное буржуазно-демократическое государство [17, с. 175; 26, с. 24]. Основная причина антибуферных настроений — стремление быстрее установить советскую власть на Дальнем Востоке. В Сиббюро и Дальбюро ЦК РКП(б), а также среди ответственных работников и рядовых коммунистов в Забайкалье, в Амурской и Приморской областях было много сторонников немедленной советизации Дальнего Востока [12, с. 23—25]. В советской исторической литературе было распространено мнение, что к поздней осени 1920 г. (моменту объединения областей Дальнего Востока в ДВР) под влиянием указаний ЦК РКП и лично В.И. Ленина «были в основном преодолены разногласия, имевшиеся среди коммунистов края, в том числе среди членов Дальбюро, о путях строительства буферной республики» [28, с. 60].

В постсоветское время исследование этой проблемы продолжалось [8; 24; 25 и др.]. В коллективной монографии по истории Дальнего Востока периода революции и Гражданской войны обобщены результаты изучения функционирования ДВР, в том числе и разногласий в отношении характера буферного государства [11, с. 361—495]. Противостояние противников и сторонников буфера обстоятельно описано через призму биографии председателя правительства республики А.М. Краснощёкова [15]. В конце 1990-х — начале 2000-х гг. опубликован ряд статей и три монографии А.А. Азаренкова, посвящённые политическим процессам, происходившим в ДВР [2; 3; 5]. Они позволили по-новому взглянуть на многие (ставшие уже стереотипными) оценки политических аспектов её истории. Исследователь детально проанализировал не только появление идеи, но и трансформацию взглядов на организацию буфера; показал, что этот процесс находился в тесной зависимости от расстановки политических сил и военной обстановки в Сибири и Прибайкалье [3, с. 15—47]. Он рассмотрел процесс создания и функционирования представительных и исполнительных органов власти в республике, а также выборы в Учредительное

⁴ Краснощёков Александр Михайлович (1880—1937), член коммунистической партии с 1917 г. В 1917 г. — член Владивостокского Совета, председатель Никольско-Уссурийского обкома партии; в 1918 г. — председатель Дальневосточного краевого комитета Советов и Дальсовнаркома, затем занимался подпольной работой. В 1919 г. — член Иркутского губкома РКП(б). С 3 марта 1920 г. и до середины сентября 1921 г. — член Дальбюро ЦК РКП(б), председатель правительства ДВР (апрель 1920 — сентябрь 1921 г.), министр иностранных дел ДВР (ноябрь 1920 — февраль 1921 г.). Далее состоял на партийной и хозяйственной работе в РСФСР. Репрессирован и расстрелян в 1937 г. [16; 28, с. 56].

и Народное собрания [2; 5]. В последние годы автором этой статьи опубликовано несколько статей, посвящённых проблемам становления молодого государства, влиянию экономической и внутривластной ситуации на массовые настроения в ДВР [19; 20; 21; 22].

Цель статьи — проанализировать не только динамику противостояния сторонников и противников буфера в ДВР, но и то, как раскол в рядах дальневосточных большевиков отражался на работе местных органов власти и как население республики относилось к буферу и коммунистам. Автор сознательно приводит большие цитаты из источников (телеграмм, писем, записей разговоров по прямому проводу, отчётов с мест), стремясь дать читателю возможность познакомиться с дискурсом эпохи. Многие тексты Гражданской войны представляют собой своеобразное «наивное письмо» по аналогии с «наивной живописью», в них звучит энтузиазм построения нового общества и борьбы с его врагами.

В статье речь пойдёт о западной части Дальбюро и ДВР без включения в поле зрения Приморской области, поскольку применительно к восточной части вопрос необходимо ставить в несколько иной плоскости. Центр (Москва, ЦК РКП(б), Сиббюро) в западной части Дальбюро сдерживал «левацкие» настроения — желание ускорить переход к советской власти. Для ряда представителей восточной части Дальбюро (в источниках часто используется наименование «Политбюро») и коммунистов Приморья весной 1920 г. было также характерно стремление немедленно установить советскую власть, но позднее центр критиковал приморских большевиков за «соглашательство» с правыми социалистами и несоциалистами, а также за «сепаратизм» — нежелание ускорить объединение Приморской области с ДВР и процесс подчинения Верхнеудинску. При этом центр часто не учитывал (в силу слабой осведомлённости) расстановку политических сил в Приморье и Владивостоке, включая опасность японского выступления, по этой причине настроения коммунистов и общественности на этой территории надо анализировать отдельно. В советской историографии существовали разные оценки действий приморских большевиков в вопросе о буфере: от обвинений в сепаратизме до признания их действий правильными в силу сложной обстановки в Приморье из-за присутствия японских войск [6, с. 182—218; 17, с. 117—121, 141—148].

* * *

Фактически с момента начала переговоров с инициатором создания буферного государства — Иркутским Политцентром — коммунисты были разделены на сторонников необходимости временного отступления в виде буфера и поборников немедленной советизации. 20 января 1920 г. председатель Сибревкома И.Н. Смирнов⁵ доложил В.И. Ленину и Л.Д. Троц-

⁵ Смирнов Иван Никитич — в начале 1920-х гг. член ЦК РКП(б), председатель Сиббюро, Сибревкома и Реввоенсовета войск Сибири. Через него шло руководство всей восточной политикой РСФСР [9, с. 13].

кому о предложении Политцентра создать буферное государство, которое позволило бы избежать военного столкновения с японскими войсками. Вероятно, он ответственно подошёл к указанию В.И. Ленина от 15 декабря 1919 г. (после взятия Красной армией Новониколаевска) о том, что «будет преступлением чрезмерно зарываться на Восток» [9, с. 13; 14, с. 92]. Однако и сам И.Н. Смирнов, и Реввоенсовет Сибири рассматривали буфер как фикцию, кратковременное отступление, передышку для сосредоточения военных сил для дальнейшего наступления.

В вышеуказанном докладе И.Н. Смирнов изложил следующие предложения Реввоенсовета Сибири: «а) Признать государство-буфер, начиная от реки Оки, что у станции Зима, до Владивостока. б) Широко объявить об этом среди чехов и японцев. в) Политцентр, основываясь на этом, настаивает на выезде чехов за Байкал. г) Затем, не доводя до сведения Политцентра, но в согласии с партийной организацией Восточной Сибири и коммунистическим штабом⁶, Ревсовет сосредоточивает три дивизии у станции Зима, куда сгоняет подвижной состав на Иркутск — Верхнеудинск, захватывает Кругобайкальскую дорогу, а Политцентр переходит в Читу, положив границу между Советской Россией (и буфером)⁷ — Байкал. д) Ревсовет назначает Главкома и весь штаб войск Политцентра из коммунистов 5 армии. е) Вместе с делегацией мы сейчас посылаем в Иркутск наших командиров и комиссаров, а в качестве представителя при Политцентре тов. Гольцмана. ж) Чехам предлагаем проезд через Европейскую Россию, причём оружие будут сдавать в Омске и Уфе. з) Ревсовет считает временное существование фиктивного государства полезным по чисто стратегическим соображениям, но закрепление буфера больше чем на 4 месяца едва ли возможно. Сообщите ваше мнение об этой игре с буфером» [9, с. 17—18].

В ответной телеграмме от 21 января 1920 г., подписанной В.И. Лениным и Л.Д. Троцким, Реввоенсовету 5-й армии сообщалось: «В отношении буферного ваше предложение одобряю. Необходимо лишь твёрдо установить, чтобы наш представитель или лучше два представителя при Политцентре были осведомлены обо всех решениях, имели право присутствия на всех совещаниях Политцентра...» [14, с. 334; 27, с. 54].

На тот момент далеко не все в Сиббюро ЦК РКП(б) и в других органах власти Сибири поддерживали даже такой временный буфер, многие выступали за дальнейшее наступление Красной армии и немедленную советизацию Забайкалья [27, с. 58].

18 февраля 1920 г. ЦК РКП(б) принял решение об отказе от немедленного провозглашения советской власти в Забайкалье и на Дальнем Востоке. В этот же день от председателя Реввоенсовета РСФСР Л.Д. Троцкого председателю Сибревкома И.Н. Смирнову последовала директива: «Столкновение наших регулярных войск с японцами послужит бешеной

⁶ Анतिकолчаковского восстания в Иркутске.

⁷ В скобках даны слова, отсутствующие в тексте и добавленные редакторами сборника документов.

политической агитации Японии и даст перевес сторонникам дальнейшей посылки оккупационных войск. Необходимо ускорить создание буфера так, чтобы военные операции и дипломатические переговоры на восток от Байкала шли под знаменем буфера. Берегитесь ловушек японских интервенционистов» [10, с. 157]. Фактически эти слова поддерживали идею создания буфера под эгидой Политцентра. 19 февраля В.И. Ленин в телеграмме Л.Д. Троцкому одобрил его решение: «Вполне разделяю Ваш ответ Смирнову. Надо бешено изругать противников буферного государства... погрозить им партийным судом и потребовать, чтобы все в Сибири осуществили лозунг: „ни шагу на восток далее, все силы напрячь для ускоренного движения войск и паровозов на запад в Россию“...» [14, с. 137]. В.И. Ленин адекватно оценивал ситуацию в стране — нехватка топлива и продовольствия, тяжёлое положение на Кавказском фронте не позволяли распылять военные силы.

А.М. Краснощёков, уполномоченный на ведение переговоров с правыми социалистами, видимо, всерьёз воспринял буфер как коалицию и продолжал усилия в этом направлении, однако в момент переговоров с Политцентром буфер и он рассматривал лишь «как временное образование, как дипломатическую ставку» [27, с. 56].

В начале марта 1920 г. территорию Прибайкалья освободили от белогвардейцев и интервентов. 5 марта была создана Временная земская власть Прибайкалья, её председателем стал меньшевик И. Пятидесятников, а одним из товарищей председателя — коммунист Н.Н. Ромм. Накануне, 3 марта 1920 г., было создано Дальбюро, подчинённое до августа Сиббюро ЦК РКП(б), а с августа — ЦК РКП(б). Основными задачами этой структуры являлись построение буферного государства и проведение партийной работы в Забайкалье и на всём Дальнем Востоке. Эти же задачи были зафиксированы в «Регламенте Дальневосточного бюро», рассмотренном на заседании 15 апреля 1920 г. [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 11. Л. 1, 3]. В состав западной части Дальбюро вошли А.М. Краснощёков, А.А. Ширямов, Н.К. Гончаров; последние два были сторонниками немедленного установления советской власти в Прибайкалье.

Уже первые кадровые назначения в Дальбюро (большевики с разными взглядами на характер буфера) внесли раскол и стали мешать его работе. Возможны два варианта вероятного объяснения такой кадровой политики центра: 1) ЦК РКП(б) либо был плохо осведомлён о господствующих среди сибирских и дальневосточных большевиков настроениях, либо надеялся на подчинение назначенных товарищей партийной дисциплине; 2) центр с самого начала подобными назначениями стремился удерживать баланс сил в Дальбюро и руководстве ДВР, чтобы не допустить наращивания «политических мускулов» какой-либо из сторон и развития сепаратистских настроений.

В советской и постсоветской литературе господствовала точка зрения, согласно которой буферное государство было создано по плану В.И. Ленина и ЦК РКП(б), а его работа направлялась ЦК РКП(б) через

Сиббюро и Дальбюро [6, с. 182—184; 17, с. 115—117; 26, с. 4—6, 17—18, 25; 28, с. 59—60 и др.]. Это предположение поставил под сомнение А.А. Азаренков: «Факты убеждают нас как раз в обратном: вплоть до августа 1920 года никакого сколько-нибудь конкретного плана строительства ДВР вообще не существовало в принципе» [3, с. 47]. Можно согласиться с ним в том, что глубоко продуманного плана о путях создания и характере буферного государства у Москвы не было, как не было и точного знания о ситуации на Дальнем Востоке. Полной картины происходившего в разных дальневосточных областях не имелось и у «строителей» нового государства на месте. Однако, судя по приведённым выше текстам телеграмм периода январь — февраль 1920 г., всё же нельзя говорить о полном отсутствии плана и руководства процессом со стороны ЦК РКП(б) и лично В.И. Ленина. У центра не было точного представления о том, во что должна вылиться реализация идеи буфера на практике, но были выражены директива не спешить с установлением советской власти на Дальнем Востоке и требование подчинения буфера Москве. При этом ЦК слабо осознавал, что при существующей плохой связи с центром и внутри региона получение директив и рассылка их на места окажутся сопряжены с невероятными трудностями, поэтому как в столице ДВР, так и в областях неизбежно будут вынуждены принимать решения самостоятельно, в силу собственного понимания задач буфера и политики партии.

В качестве важнейшего рычага влияния и проведения необходимой линии ЦК РКП(б) в ДВР выступали коммунисты, которые должны были занять ключевые посты в буферном государстве. И речь здесь идёт не только о прямых кадровых пополнениях из Советской России (и в первую очередь — из Сибири), но и о местных коммунистах, которые в силу партийной дисциплины обязывались выполнять волю партии. Внутреннюю и внешнюю политику буфера определяли кадры, и поэтому так важно рассмотрение буферных и антибуферных настроений членов Дальбюро, ответственных партработников и рядовых коммунистов. Разногласия среди партийных кадров в ДВР по поводу характера буфера явились одной из ключевых и болезненных проблем становления молодого государства.

По свидетельствам антибуферно настроенных членов Дальбюро А.А. Ширямова и Н.К. Гончарова, в марте 1920 г. (в момент существования Прибайкальской земской власти) в Прибайкалье господствовали просоветские и антиземские настроения. В двухнедельном отчёте западной группы Дальбюро, переданном в ЦК РКП(б) по телеграфу предположительно 3 апреля 1920 г., ими констатировалось, что в Верхнеудинске «...возникла временная земская власть Прибайкалья составе трёх коммунистов девяти земцев правых эсеров меньшевиков организованы отделы деятельность которых ограничивается городом. <...> правые добиваются преобладания их партий также земцев, среди отдельных членов встречаются тенденции обеспечить будущем возможность борьбы с СоветРоссией. Наше предложение преобладания трудовых элементов путём выделения большинства состава пленума из состава рабоче-крестьянских съездов, господство

коммунистов армии, портфели военный инотдел административный труда. Правые намерены отказаться участия буфере. Население всего Даль-востока враждебно организующейся земвласти возникают восстания всюду организуются ревкомы советы, казачьи крестьянские съезды делегаты являются императивами установить советвласть. Забайкалье представители земвласти пытающиеся выступить вне города арестуются населением до выяснения личности их работа вне Вудинска возможна только охраной коммунистов. Партизанские войска движутся заявляя населению что они советские неся плакаты знамёна значки прочее установленные Советармии, призывают население восстанавливать только советвласть. Предупредить возникновение ревкомов совдепов нет возможности ибо они возникают тылу противника порядке революционной инициативы вне воздействия земвласти тоже Бюро. Всем крае царит полное смешение понятий растёт раскол масс недовольство партией замечается использование положения тёмной агитации. Дальнейшее строительство буфера становится почти невозможным или возникает необходимость посылки карательных экспедиций против партизан, целых уездов, разгон совдепов ревкомов, аресты коммунистов. Официально земвласть Забайкалья имеет территорию до станицы Хилок где стоят передовые эшелоны Иркутской дивизии нарревармии остановленные японским заслоном на станции Хушенга. <...> Подробный отчёт почтой...»⁸ [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 10. Л. 8—8 об.]. Вероятно, А.А. Ширямов и Н.К. Гончаров сгущали краски и старались нарисовать выгодную им картину массовых настроений в Прибайкалье, манипулировали центром, чтобы переломить ситуацию в свою пользу.

Взгляды «антибуферщиков» на тот момент, возможно, не отражали настроения всех слоёв населения, но соответствовали стремлениям значимой для большевиков группы — участников партизанского движения, которые боролись с белогвардейцами и интервентами за установление понятной и ставшей за годы революции и Гражданской войны привычной советской власти, а не за создание непонятного буфера.

Однако есть свидетельства и того, что директивы центра и отказ от немедленного установления советской власти были поддержаны местными коммунистами — руководителями областного уровня — уже в начале марта 1920 г. 6 марта было образовано Прибайкальское губернское бюро РКП(б), а на его заседании 8 марта при обсуждении текущего момента было принято постановление, транслировавшее установку на буфер, но с оговоркой о продолжении пропаганды коммунистических идей: «Принимая во внимание, что при создавшемся международном положении восстановление Советской власти в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке может вызвать серьёзное осложнение международного характера, что отстаивать власть Советов собственными силами мы не в состоянии, Верхнеудинская организация РКП[,]»⁹ не желая вовлечь Республику в новую вой-

⁸ Орфография и пунктуация источника сохранены.

⁹ В квадратных скобках в этой цитате и далее указаны знаки препинания, доставленные автором статьи.

ну[,] постановила впредь до изменения международной конъюнктуры в нашу пользу отказываться от немедленного установления Советской власти и признаёт целесообразные учреждения общедемократической Земской власти. Вместе с тем организация твёрдо решена продолжать энергично работать по организации масс и пропаганде идей коммунизма» [ГАРБ. Ф. П-57. Оп. 2. Д. 1. Л. 2—2 об.]. На этом же заседании в члены Прибайкальского губкома РКП(б) был кооптирован А.М. Краснощёков.

Отношение к буферу и рядовых коммунистов, и поддерживавших их слоёв населения было неустойчивым, оно ситуативно менялось под влиянием агитации ответственных партийных работников — в зависимости от речей ораторов на собраниях принимались противоположные резолюции. На митинге рабочих и крестьян Верхнеудинского района 12 марта 1920 г. после доклада А.М. Краснощёкова была оформлена резолюция в поддержку буфера. Проходившая же через несколько дней Верхнеудинская городская профсоюзная конференция после доклада А.А. Ширямова высказалась против какой-либо коалиционной власти, признав возможным установление только власти Советов [27, с. 75].

Инспектор-организатор военного контроля при Военном Совете Народно-революционной армии (НРА) ДВР Чертов в докладной записке члену Реввоенсовета Н.К. Гончарову 31 марта 1920 г. писал о настроениях в армии: «...к буферу народоармейцы относятся крайне враждебно: говорят, что будут бороться за Советскую власть до последней капли крови, несмотря на голод и лишения, но буфера не хотим, и если положение на фронте потребует нашего отступления, то истребим всех стоящих у власти в буфере, не считаясь и с коммунистами... Контрреволюция, находящаяся в частях войск, радостно ухватилась сейчас за эту больную струнку и ведёт усиленную агитацию против буфера. С моими разъяснениями о необходимости существования для нас буфера и что организация такового является инициативой, вызванной необходимостью для будущего блага Советской Республики, товарищами из Центра, часть согласилась, часть же осталась при своём мнении...» [9, с. 29—30].

Большинство делегатов съезда трудящихся Прибайкалья, проходившего 28 марта — 8 апреля 1920 г., было настроено против буфера, но после бурной дискуссии и разъяснений А.М. Краснощёкова политики Советской России настроение делегатов изменилось: съезд объявил себя учредительным и 6 апреля принял декларацию об образовании Дальневосточной республики [12, с. 31; 27, с. 76—80]. Этим решением идея буфера трансформировалась в очередной раз, ей также было дано название, под которым она вошла в историю. В декларации провозглашалось установление «демократической власти, олицетворяющей волю всего народа, выявляемую через его избранных представителей, и гарантирующей всем классам общества демократические свободы...» [7, с. 442—444]. Участники избрали Пленум и Президиум народно-революционной власти, в их состав вошли представители большевиков и революционно настроенных крестьян, главой правительства был избран коммунист А.М. Краснощёков.

Представители правых социалистов — меньшевик И. Пятидесятников и эсер Механошин — отказались участвовать в правительстве, выразив несогласие с пробольшевицким уклоном буфера [11, с. 375—377; 27, с. 82].

Судя по телеграмме из Иркутска в Верхнеудинск от 16 апреля 1920 г., ЦК РКП(б) был быстро проинформирован о Прибайкальском съезде трудящихся и о создании ДВР, но, видимо, это решение несколько опережало директивы центра и его видение буфера. Москва настоятельно рекомендовала в дальнейшем чётко руководствоваться её указаниями: «...срочно вне всякой очереди Верхнеудинск Дальбюро РКП т. Гончарову сообщая телеграмму из Москвы от 16 апреля: „Ссылаемся декларацию Учредительного съезда Верхнеудинске... Полагаем признать правительство буферного государства как единственный выход создавшегося Дальвостоке положения. Передайте Верхнеудинск необходимости скорейшего создания министерства и назначения министра иностранных дел. Сообщите дальше его выступление буфер должен делаться нашего ведома[,] чтобы мы могли поддерживать их и использовать когда нужно их выступление [—] в этом основной смысл буфера. Сообщённой нам Краснощёковым декларации усматриваем[,] что учредительный съезд включил территорию буфера полосу отчуждения Восточной Китайской дороги. Если это обстоятельство вызовет протесты со стороны Китая[,] надлежит проявить полную осторожность и сгладит[ь] впечатление путём предложения китайцам совместно установит[ь] модус вивенди полосе отчуждения. <...> Было бы лучше[,] если бы по головным вопросам новое правительство предварительно советовалось с нами. Рекомендуем во всех вопросах предварительно советоваться с нами. Сообщите эту телеграмму Краснощёкову... Замнарком Карахан...“»¹⁰ [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 10. Л. 18—18 об.; 10, с. 171—172].

В апреле 1920 г. положение сторонников буфера в Дальбюро осложнялось наличием сильной оппозиции в Сиббюро ЦК РКП(б) и среди коммунистов Иркутска. Шумная кампания, развёрнутая в печати, мешала переговорам А.М. Краснощёкова с правыми социалистами по вопросу вхождения в правительство ДВР. После поездки в Иркутск Н.Н. Ромм на заседании Дальбюро 18 апреля 1920 г. доложил, что политика иркутской партийной организации в отношении буфера почти не изменилась: «отношение к нему по-прежнему отрицательное, но ввиду директив центра и благодаря партийной дисциплине эта кампания несколько ослабела». Мальков, дополнив доклад Н.Н. Ромма, заявил, что Иркутский губернский партийный комитет «смотрит на буфер как на незаконнорождённое дитя, достаточно себя спровоцировавшее и не могущее иметь никакого успеха» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 11. Л. 5 об.]. Н.Н. Ромм также сообщил, что «переговоры его с меньшевиками и эсерами к определённым результатам не привели, так как они заявили, что Советская печать и многие из советских деятелей настолько ошельмовали идею буфера, что теперь все маски сорваны, и вряд ли буфер приведёт к желанным результатам.

¹⁰ В выпущенной части речь идёт о поведении в отношении японцев.

Не отказываясь категорически от участия в строительстве буфера, они указывают, что на это строительство могут пойти лишь при следующих условиях: 1-е — если по поводу буфера будет достигнуто соглашение между центральными комитетами партии и Совнаркомом, и будут даны гарантии в том, что ни одна из местных организаций не будет препятствовать созданию буфера, дабы не повторилась история с Политцентром в Иркутске; 2-е — что в виду ограниченности настоящей территории буфера, отсутствие экономической базы, самостоятельная деятельность буфера невозможна, поэтому необходимо расширить границы буфера на запад; 3-е — согласительная комиссия партий должна будет выработать Конституцию буфера. До удовлетворения всех этих условий они отказываются от вхождения в Правительство буфера, но вместе с тем заявляют, что примут участие в практической работе» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 11. Л. 5].

Прозвучавшие далее предложения противников буфера демонстрируют, что они не придавали особого значения консенсусу с правыми социалистами. Н.К. Гончаров предложил прекратить всякие переговоры с меньшевиками и эсерами от имени партии и продолжать диалог во исполнение воли съезда от имени правительства, а Буртман высказался за прекращение всяких переговоров с краевыми комитетами, находящимися в Иркутске, и за установление связи с дальневосточными группами эсеров и меньшевиков, которые принимают участие в земской власти Дальнего Востока, включив хотя бы А.С. Медведева в состав правительства.

Трудно сказать, были ли знакомы все противники буфера с телеграммой В.И. Ленина И.Н. Смирнову от 9 марта 1920 г.: «Никаких условий с эсерами и меньшевиками: либо подчиняются нам без всяких условий, либо будут арестованы» [14, с. 156], — но они явно исповедовали такое же отношение к этим партиям.

Сторонник буфера И.П. Дзевалтовский (И.Л. Юрин), напротив, предложил информировать Москву о последней стадии переговоров и указать следующее: центр недостаточно энергично выполняет просьбы буфера о его признании, тем самым он показывает, что «не придаёт особенного значения данному вопросу и затрудняет возможность скорейшего привлечения эсеров и меньшевиков». Итоговое постановление — «принять предложение т. Гончарова со следующими добавлениями: постараться завязать связь с Дальневосточными эсерами и информировать центр, но не оказывая на него давления» — являлось компромиссным, однако свидетельствовало о превалировании «антибуферщиков» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 11. Л. 5—5 об.].

При обострении отношений и та, и другая сторона апеллировали к центру. 21 апреля 1920 г. Н.К. Гончаров доложил И.П. Смирнову о невозможности работать в Дальбюро с И.П. Дзевалтовским и его ненужности в буфере, поскольку Г.Х. Эйхе надо дать единоначалие в армии [9, с. 58—59].

23 апреля 1920 г. И.П. Дзевалтовский сообщил Н.И. Смирнову и В.И. Ленину о неправильном отношении некоторых членов Дальбюро к буферу, выразил поддержку позиции А.М. Краснощёкова и указал на то,

что разногласия мешают партийной и государственной работе в республике: «...кроме военной помощи, которая должна быть немедленно оказана для успешного выполнения задач, поставленных буферу, требуется, чтобы здесь была единая воля. Для этого необходимо коренным образом реорганизовать Дальбюро, исключив из него элементы, враждебные буферной политике, в составе из товарищей, среди которых не было бы никаких разногласий. Теперешняя работа сводится к преступным словопрениям и только деморализует окружающих их партийных работников. Вот те два условия, которые могут обеспечить успех работы: считаю необходимым для дела оставление Краснощёкова. Ему и необходимо придать двух товарищей, которые не мешали бы его работе, а наоборот, способствовали скорейшему выполнению её. Одного, как уполномоченного по военным делам, который ведал бы самостоятельно военно-административными вопросами, являлся бы военным комиссаром при Главкоме. Военный Совет, как таковой, в котором, как это выяснилось в заседании Дальбюро, вредные для дела трения, разногласия и различное непонимание, расформировать. Второго уполномочить для руководства всей партийной работой. Таким образом, при разграничении функций в заседаниях Дальбюро регулировались бы общие вопросы и при дружной работе достигался бы максимум пользы. Лично, если Дальбюро будет оставлено в прежнем составе, не считаю возможным нести ответственность за всё происходящее и прошу отозвать меня отсюда, так как существование по всем вопросам двух точек зрения, представленных одинаковым количеством членов Дальбюро, безусловно вредно отражается на деле, и если нужно отдать предпочтение точкам зрения Ширямова и Гончарова, то естественно меня отозвать с пределов буфера...» [9, с. 62—63].

В мае 1920 г. положение сторонников буфера оставалось тяжёлым, А.М. Краснощёкову приходилось действовать в условиях фронды в Дальбюро, противоречивой позиции центра, «самоуправства» приморских коммунистов. Всё это мешало строительству буфера в его интерпретации, так как А.М. Краснощёков воспринял указания В.И. Ленина и ЦК РКП(б) как задачу создания образа независимого демократического государства. Видимо, именно с намерением сформировать приемлемый для международного сообщества образ ДВР была связана его жёсткая оппозиция членам Дальбюро, которые рассматривали буфер как плацдарм для мировой революции в Азии. Это противоречило намерениям А.М. Краснощёкова, поскольку воспринималось не только в Азии, но и в США и Европе в качестве коммунистической угрозы и разрушало образ буфера как буржуазно-демократического государства. Жалобы А.М. Краснощёкова в центр были вызваны также недовольством деятельностью Наркомата иностранных дел Советской России, который игнорировал установку на создание видимости самостоятельности ДВР в контактах с иностранными государствами на Дальнем Востоке.

5 мая 1920 г. В.И. Ленину, Л.М. Карахану в Политбюро ЦК РКП(б), И.Н. Смирнову в Омск была послана информация из Иркутска, предпо-

ложительно от А.М. Краснощёкова: «Неудача преждевременного недостаточно обдуманного наступления на Читу, вербальная нота Наркоминдела Японии и поведение Виленского во Владивостоке заставляет меня ещё раз поставить вопрос о буфере во всей его полноте и потребовать определённой линии поведения, для того чтобы покончить с трагикомедией, в которой мне приходится играть роль злого гения. Дальний Восток — это ахиллесова пята русской революции в Азии, даже по окончании оккупации специфические условия заставляют нас изменить во многом нашу программу в этом крае; выделение Дальнего Востока от Байкала в отдельную административную единицу с своеобразной экономическо-политической (линией)¹¹, хотя и в полном контакте с Выс[шим] Сов[етом] Нар[одного] Хоз[яйства], является очередным вопросом с 1917 года; в настоящем опасность столкновения с Японией настоятельно требует самостоятельности для Даль[него] Востока под неофициальным тщательно прикрытым контролем Совнаркома. Постановления Цека, телеграммы Ленина и Троцкого будто бы диктуют такую линию поведения, по крайней мере я лично понял их таким образом. Фактически же получается политика шатания, нерешительности, разброда, недостойная твёрдой руки нашей партии. Со стороны Центра: 1) Наркоминдел в лице Карахана не имеет определённой точки (зрения). Вечно спрашивает Янсона, нужен ли буфер или нет? Несмотря на неоднократные запросы, вот уже месяц как мы не получили официального ответа на нашу „Декларацию о независимости“, на основании которой ведём переговоры с иностранцами. 2) Наркоминдел протестует о захвате (японцами) пароходов на Амуре, извиняется об инциденте в Николаевске, посылает вербальные и официальные ноты Японии о Владивостоке, обещает привилегии и рыболовные концессии на территории, входящей в буфер, через голову нашего правительства, не напоминая о его существовании, чем вырывает почву у наших непосредственных переговоров, взрывает сам буфер. 3) Виленский, хотя официально только заведывающий эвакуацией чехов, ведёт себя как сатрап, в соответствии (с этим) ведёт переговоры на территории буфера, доминирует, заменяет местные власти, вместо того чтобы инструктировать последних, выступает самостоятельно; не воспрепятствовал передаче земской власти Советам, что (стало) поводом для японского выступления. Янсон в Иркутске игнорирует Правительство Дальневосточной республики, (не) передаёт официально постановление Совнаркома...» [9, с. 64—66].

И.Н. Смирнов 20 мая 1920 г. по прямому проводу связался с В.И. Лениным и Л.М. Караханом (Москва), с Я.Д. Янсоном (Иркутск), чтобы центр передал шифром во Владивосток В.Д. Виленскому приказ Сибревкома «...немедленно декларативно заявить через существующее во Владивостоке правительство Соединённым штатам и Японии, что Уссурийский край входит в единую Дальневосточную республику, имеющую свой верховный

¹¹ В круглых скобках даны добавления пропущенных слов, предложенные редакторами сборника документов, в квадратных — дописаны слова, которые в тексте представлены в сокращённом виде.

центр в Верхнеудинске. Все переговоры и соглашения, заключённые во Владивостоке, являются временными. Окончательное решение даёт только Верхнеудинск. Ведя переговоры без контроля Москвы, Владивосток делается игрушкой в руках Японии. Немедленно исполнить приказание, принудив Владивостокское правительство через нашу партийную организацию. Никакого отлагательства в декларировании единства ДВР и подчинения Верхнеудинску Сибревком не допускает. Неисполнение настоящего приказа аннулирует Ваш мандат, подписанный мной. В переговорах должно быть единство воли и действий, и контроль Цека РКП» [9, с. 71—72]. И в тот же день И.Н. Смирнов сообщил об этом в Верхнеудинск А.М. Краснощёкову, указав: «Никакого недоверия вам не выражалось и Вы должны вести переговоры на основе принятых положений. Информировать чаще. Виленского мы дисциплинируем» [9, с. 72]. Сиббюро ЦК РКП(б) ещё несколько раз указывало В.Д. Виленскому на недопустимость сепаратных действий, и 20 июня он был отозван из Владивостока [9, с. 77—80, 95].

Разногласия по вопросам буферного строительства среди коммунистов Сибири и Прибайкалья детально описал И.П. Дзевалтовский в «особом мнении» на совещании 12 мая 1920 г. в Верхнеудинске. Он не только привёл убедительные доводы в пользу идеи буфера, но и показал убеждённость «антибуферщиков» в том, что буфер уже выполнил свои задачи и опасен для дела революции. Приведём документ почти полностью: «Совещание представителей Сибревкома, Реввоенсовета 5, Дальбюро и Командарма НРА прошло под знаком сомнения в действительности¹² Дальневосточной политики Центра, выраженной в директивах ЦК от 4 марта сего года. Большинство из присутствующих подчёркивалось, что если буфер и мог когда-либо приносить пользу, то это уже отошло в область преданий, настоящий же существующий буфер ничего реально не представляет, никем не признан и никому не нужен. Наоборот, указывалось на опасность его, так как он сплотит вокруг себя все контрреволюционные силы. Нам же всё равно придётся выступать под флагом Советской власти, так лучше этого не скрывать, а принять меры к тому, чтобы возможно лучше подготовиться к этому моменту.

В речах и резолюциях всё время подчёркивалась временность существования и необходимость фиксировать срок о пересмотре вопроса о нём. Даже полученная перед голосованием телеграмма от японского командования о желании начать переговоры не поколебала мнения большинства. Многие рассматривали её как японскую ловушку для нового наступления... Считаю, что буфер в данный момент является единственным и наиболее приемлемым выходом для Советской России из запутанного международного положения на Дальнем Востоке и фактором, способствующим к наискорейшему прочному установлению Советской власти,

¹² Составители сборника предлагают заменить «в действительность» на «в действительности», однако правильным будет вариант оригинала. Речь идёт о сомнениях большинства представителей Сиббюро, Дальбюро и Реввоенсовета именно в действительности политики центра, в её реальности и соответствии обстановке в регионе.

а не её видимости на Дальнем Востоке, с наименьшими затратами и таким образом, безусловно, может быть рассматриваем только как временное образование. Но поскольку мы создаём видимость и поскольку придаём ей значение, постольку всякое излишнее подчёркивание этого, безусловно, вредно. Во всех отношениях отзывается на проведении в жизнь задуманного плана. Мы как бы похожи на тех, кои энергично подрубают сук, на который ещё не успели, но хотим сесть...» [9, с. 67—68].

И.П. Дзевалтовский прекрасно подметил причины недовольства коммунистов буфером: «сплотит контрреволюционные силы», даст возможность высказываться и открыто действовать оппозиционным партиям в прессе, в профсоюзах, во время выборов. Создаётся впечатление, что коммунисты испытывали страх перед открытой критикой, легальной деятельностью оппозиционных партий, перед тем, что свобода частной собственности, рынка приведёт к усилению политической активности буржуазии и ослабит позиции коммунистов на Дальнем Востоке. Они демонстрировали неспособность действовать против оппозиции иными способами, нежели террор и запрет.

Летом 1920 г., несмотря на отъезд А.М. Краснощёкова в Омск и затем в Москву, борьба группировок за власть продолжалась. Противник буфера Б.З. Шумяцкий (А.С. Червонный) в телеграммах в ЦК РКП(б), Сиббюро докладывал о противоречиях с А.М. Краснощёковым по поводу зарубежной работы на Дальнем Востоке. В одной из телеграмм в Сиббюро и Сибревком он настаивал, что возвращение А.М. Краснощёкова в ДВР «абсолютно недопустимо, совместная работа невозможна» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 21. Л. 119, 224; 9, с. 202—204]. В другой, направленной тем же адресатам, он телеграфировал: «Получили известие возвращении Краснощёкова. Идёт насмарку вся проделанная мною работа: дипломатическая, организационная Мининдела, заграничных агентурах, Дальвостоке здесь Министерстве. С приездом Краснощёкова учреждения снова наполнятся авантюристами, которые частью сидят тюрьме, частью пока ещё на воле, ожидая возвращения своего часа. Мы верим они, то есть авантюристы с теми, на кого они сами взвалили работу очистке буфера. Прошу Сиббюро и Цека моем отзыве...»¹³ [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 21. Л. 17, 219].

Это противостояние в августе 1920 г. закончилась временной победой А.М. Краснощёкова, который во время своей поездки получил поддержку В.И. Ленина и ЦК РКП(б) [15, с. 129—131].

13 августа 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) одобрило «Краткие тезисы по Дальневосточной республике»¹⁴. В советской литературе они оценивались как важнейший программный документ, определивший основы политики коммунистической партии на Дальнем Востоке [27, с. 180]. Главными

¹³ Орфография и пунктуация источника сохранены.

¹⁴ Среди архивных документов и в литературе не удалось пока найти полный текст этих тезисов; в протоколе Политбюро он также отсутствует, есть только исправления, которые в него были внесены [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 102. Л. 1—2, 4—5]. Ниже приводится вариант тезисов в редакции, исправленной и дополненной в январе 1921 г.

установками были полное подчинение центру во внешней и внутренней политике; столица в Чите и пресечение проявлений сепаратизма при-морских коммунистов; формально буржуазно-демократический характер буфера — внешне беспартийные органы власти в реальности должны быть коммунистическими, а формально подчинённая властям республики НРА в действительности должна быть частью Красной армии.

18 августа 1920 г. И.Н. Смирнов сообщил в Верхнеудинск о решении ЦК РКП(б) отозвать из Дальбюро Б.З. Шумяцкого¹⁵ и В.И. Хотимского и об утверждении нового состава, куда вошли А.А. Знаменский, А.М. Краснощёков, С.Я. Гроссман и красноярский коммунист К.А. Петерсон¹⁶ [9, с. 120]. Изменения персонального состава не способствовали устранению разногласий.

Борьба за власть между группировками, бесконечные дразги мешали работе Дальбюро и правительства; положение коммунистов во власти осложнялось тяжелейшей экономической ситуацией, острой нехваткой кадров и финансов. Многие из сторонников установления советской власти всеми правдами и неправдами стремились покинуть буфер и вернуться в Советскую Россию к привычным методам работы. Один из тех, кто отказался выполнять свои обязанности в такой обстановке, был помглавкома НРА ДВР В.Г. Бисярин, пославший 30 сентября 1920 г. И.Н. Смирнову телеграмму такого содержания: «В результате сложившихся обстоятельств и обстановки должность помглавкома сдал члену Амурской делегации Бородавкину. Причины моего ухода — ежечасные конфликты с Эйхе и Краснощёковым. Этот выход оказался единственно возможным. Считаю необходимым довести до Вашего сведения о глубоком кризисе и развале среди коммунистов вообще и военных в частности, результатом чего начались нелегальные и полуполигальные собрания и совещания ответственных работников и рядовых членов РКП, никем не санкционированные, возникающие стихийно на почве общего недоверия к действиям Краснощёкова. Все политработники без исключения живут одной мыслью — уйти из буфера...» [9, с. 141].

Как в столице республики, так и в областях в 1920 г. большинство коммунистов, революционно настроенных крестьян и рабочих были недовольны политикой буфера и выступали за установление советской власти. На совещании представителей РКП(б) Дальнего Востока 19 ноября 1920 г. председатель Амурского обкома РКП(б) М.А. Трилиссер выразил общее негативное отношение к буферу революционно настроенного крестьянства области: «В первый период после Колчака кроме Советской власти невозможно было установление другой власти. Партизаны и крестьянство смели бы демократические формы. И лишь на 9 съезде возможно было провести политику буфера. Ныне крестьянство пытается путём создания

¹⁵ Судя по сообщению А.М. Краснощёкова И.Н. Смирнову по прямому проводу (дата отсутствует, но предположительно после 3 сентября 1920 г.), А.С. Червонный в сентябре ещё оставался в ДВР, и отношения у него с А.М. Краснощёковым совершенно испортились [9, с. 129–132].

¹⁶ К.А. Петерсон на Дальний Восток так и не прибыл.

крестьянской фракции проводить по существу демократизм. Отношения к правым партиям складываются в плоскости использования их в общих политических выступлениях. Анархисты и максималисты используют против коммунистов настроение партизан... 30 июля „таёжные коммунисты“ пытались устроить советский переворот путём ареста ответственных работников. Часть „таёжных коммунистов“ ушла в сопки для борьбы с коммунистами» [9, с. 166].

Массовые настроения населения Прибайкалья отличались большим разнообразием. В сводке Государственной политической охраны (далее — ГПО) ДВР за октябрь 1920 г. констатировалось недовольство населения Верхнеудинска дороговизной и дефицитом продовольствия, товаров первой необходимости и топлива, «на почве чего среди обывателей усиливается тревога и ропот на бездеятельность власти» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 33. Л. 6]. Среди горожан распространялись слухи о скором падении власти коммунистов в результате восстания белогвардейцев или наступления Г.М. Семёнова и японцев. Настроение сельского населения отличалось в разных районах Прибайкалья: крестьяне Мухор-Шибирской и Акино-Ключевской волостей, сёл Бичура и Тарбагатай, старообрядческих (семейских) сёл, а также казаки были недовольны существующей властью, агитировали против коммунистов, отказывались исполнять хлебную развёрстку [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 33. Л. 6—8]; в волостях же, где «крестьяне... испытали семёновщину, относятся к существующей власти благожелательно...» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 33. Л. 6 об.]. Одновременно в сводках отмечалось: «Тяготение к Совроссии растёт, среди сотрудников, рабочих, служащих и бойцов учреждений и частей часто приходится слышать: „как бы вырваться из этой душной атмосферы и пробраться на Запад и т.д.“» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 33. Л. 9].

Во второй половине декабря 1920 г., судя по сводкам ГПО ДВР, ожидания рабочих от буфера и коммунистов во власти не оправдались — дефицит и дороговизна, растущая спекуляция вызывали недовольство. Кроме слухов о контрреволюционных переворотах в ДВР, ГПО стала фиксировать в городах разговоры о скором падении власти коммунистов в России, а в сельской местности — о том, что «партия коммунистов-большевиков [—] это есть партия грабителей[,] что коммунисты обируют всё что попало и везут в Совроссию, коммунисты призваны из Совроссии только для того[,] чтобы отобрать хлеб у здешних рабочих и крестьян». Среди крестьян из-за насилия и злоупотребления властью со стороны военных продовольственных отрядов, и в особенности мадьяр, росло недовольство властью коммунистов [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 33. Л. 72—77].

Судя по докладу баргузинского уездного инструктора В.К. Шувалова Прибайкальскому губкому РКП(б) от 20 ноября 1920 г., крестьяне плохо разбирались в политических партиях, интересовались буфером, но не доверяли коммунистам. Текст В.К. Шувалова — ярчайший образец «наивного письма» крестьян или солдат, вступивших в партию в годы Гражданской войны и не имевших ни образования, ни навыков агитационной

работы, но с энтузиазмом и верой в правоту своего дела включившихся в строительство новой жизни. Приведём текст с небольшими сокращениями и с сохранением орфографии и пунктуации автора: «Вступая в обязанность инструктора в Баргузинском уезде и приступив к работе, мне среди крестьян пришлось столкнуться в полном недоверии к коммунистической партии, которое продолжается по сего времени. <...> крестьяне Баргузинского уезда несмотря на никакое усиленное разъяснение никак немогут уяснить себе, что коммунисты и большевики одно и то же, и бояс Коммунистических порядков, думая если будет властвовать Коммунистическая партия то обязательно крестьяне должны голые и голодные, и помочи от Коммунистической партии для обеспечения крестьян никакой не будит; просто это некоммунисты а какое то горе и несчастье. Где приходится принимать самые активные и энергичные меры к разъяснению на вышеуказанные сомнения крестьян. Но разъяснения никчему не приводят ибо является недоверие коммунистам. Быть может нашим товарищам покажется странным какое может быть недоверие, но для этого я ненахожу тех слов которыми бы можно объяснить, то для этого я приведу один пример, каковой применяя ковсему Баргузинскому уезду, то выглядывает тяжёлая картина, как в ниже указанном месте. Когда же приезжая в какую-либо деревню и собираешь сход, то как больше всего крестьян интересует что такое буфер то большею частью принуждаешь к буферу, для того чтобы крестьян познакомить почему здесь стал буфер то возвращаешься к историческим событиям прошедших годов, и когда говоришь об исторических событиях, то крестьяне слушают совершенно плохо, даже замечаются неоднократные шептания. Но когда же углубисся в глубь буфера то тут получается апсолютная тишина всего схода, тут уже сразу видать, что черты крестьянина все цело устремлены к слушанию доклада. Но вот когда кончая о буфере, то тут льётся масса возражений как-то: о частной собственности и пр., где им начинаешь все подробно объяснять но ето никчему неприводит. Тут уже получают новые возражения и шум. „какая здесь частная собственность сохранится когда у нас всё по казённой цене отбирают как хлеб картошку скот и пр. а нам ничего недают мы сидим голые да разве это правило“ <...> вопросы начинаешь объяснять, почему отбирают куда отбирают и почему вам ничего недают, то некоторые крестьяне остаются вполне согласны а некоторые нет, и опять берутся за буфер и говорят: „буфер то здесь буфер, он уже давно бухает, а его не видят и заместо буфера суют нам какую то коммунию, а буфер держут под сукном, вы нам давайте буфер а не коммунию что если здесь будет коммуния то мы как голые так и будем голые, а если будет здесь буфер то мы будем одетые все. Тут уже приходится прибегать к тем основным фактам которые протекают по строительству буфера как нарревком и проч. и тем крестьян немного успокаиваем. Но когда начинаешь опять что такое коммуна к чему стремиться и проч. то тут уже и верют словам мало и слушают мало. <...> Но всячески с каждым разом ведём подготовительную работу к скорейшему осуществлению Коммунистического

стройка и етим в уезде закладывается хотя не фундамент, но несколько кирпичей для постройки крепкого прочного фундамента и етим хотя немного разбиваем тех деревенских шептунов которые ещё клеветают разными неправдами на Коммунистическую партию, а бедный тёмный крестьянин и слушает этого буржуазного вечного клеветника и предателя.

Вот так как на вышеуказанном месте относятся крестьяне Баргузинского уезда к Коммунистам. Завсю мою бытность в Баргузине удалось организовать одну комячейку и то из рабочих водного транспорта, а и тов. Емельяновым организовано 2 комячейки в Усть-Баргузине и в Больше-Уро¹⁷ и в горяченске которая стояла на точке замерзания припомощи его он её поднял до должного уровня. В других местах сколько непытались организовать и приглашали крестьян вступать в ряды коммунистической партии, но повсюду были тяжёлые вздохи и слова где нам уже куда то записываться мы люди тёмные нечего непонимаем и записываться небудим.

Сам же город Баргузин состоит из жителей большей частью мещан или даже можно этот Баргузин назвать полубуржуазным но эти мещане хотя и не вступают в нашу коммунистическую партию, но также не проявляют открыто свою монархическую программу, а только шипят на Коммунистическую партию где нибудь за углом. Что касается работы в Баргузинском уезде всевозможных социалистических группировок как правых так и левых эсеров соглашателей меньшевиков и проч. гадов открыто не производится только что насколько мне удалось выяснить в селе Бодоне есть некто Шустов учитель который бывает на крестьянских сходах где мне пришлось с ним часа три... отстаивать нашу коммунистическую программу который шёл против и находил много недостатков в нашей программе но за всю беседу мне никак не удалось выяснить какова он взгляда, но определённо против коммунистов...» [ГАРБ. Ф. П-57. Оп. 2. Д. 103. Л. 7—8].

Председатель Баргузинского укома РКП(б) И. Емельянов писал в отчёте Прибайкальскому губкому РКП(б) 5 января 1921 г. о настроениях крестьян: «...деревня сама по себе разделяется на два лагеря бедняков и кулаков, центр же (средняки) благодаря усиленной работе контрреволюции в большинстве случаев присоединяется к кулачеству. Горе наше, что беднота подпадает под влияние кулачества и нет никакой возможности раскачать её и организовать в один мощный союз. В селе Читкане, так там определённо на собрание приходят исключительно кулачество. Последний инцидент ярко характеризует физиономию этого села. Устроено собрание[,] повестка дня: развёрстка, текущий момент и выбора. Приезжих четыре человека: два наших инструктора, Крылов и Шувалов, председатель унарревкома Шаврин и Вологодский[,] последний инструктор кооператива. Слово дано было Вологодскому, который ругал коммунистов и данную власть во всю. От развёрстки мужики отказались. Шаврин[,] специально приехавший по этому делу[,] только рассмеялся, говоря: „что же[,] товарищи[,] воля ваша...“[,] Затем слово дано Крылову[,] который мог

¹⁷ Неразборчиво.

только сказать[: „]начну за здравие, кончу за упокой[“]...[,] как одновременно со всех углов послышалось[: „]долгой[,] долой[“] ... затем было подхвачено всеми[,] и слова не дали. И много таких случаев[,] характеризующих работу контрреволюции и несознание крестьян. Беднота проклинает тот час, когда родился на свет этот злополучный буфер. Втихомолку высказываются за список № 2[,] т.е. РКП...» [ГАРБ. Ф. П-57. Оп. 2. Д. 103. Л. 22].

К концу 1920 г., несмотря на смену состава Дальбюро и прогресс в создании буферного государства (под его властью удалось объединить почти все заявленные территории кроме КВДЖ, Сахалина, Нижнего Амура и Камчатки), антибуферные настроения не ослабли, а усилились. Успехи объединения были восприняты сторонниками советизации как подтверждение выполнения буфером своих задач и возможности установления советской власти на Дальнем Востоке.

На I Дальневосточной конференции РКП(б), проходившей 22—28 ноября 1920 г., возникли бурные дебаты после доклада А.А. Знаменского о необходимости сохранения буфера и целесообразности компромиссов с эсерами и меньшевиками¹⁸. Оппоненты (В.П. Бельгов и В.В. Рябиков), ссылаясь на произошедшие к концу ноября 1920 г. изменения в военно-политическом и международном положении Советской России, стали доказывать, что надобность в строительстве дальневосточного буфера отпала и можно перейти к советизации региона. Большинство делегатов поддержало Дальбюро и отвергло антибуферные предложения [28, с. 41]. Последнее вряд ли свидетельствовало о том, что многие рядовые коммунисты поддерживали буфер, а скорее, говорило о ситуативном подчинении партийной дисциплине и авторитету Дальбюро.

Уже 5 декабря 1920 г. на заседании Дальбюро А.А. Знаменский выступил с докладом об экономической ситуации и предложил провести ряд мероприятий в пределах ДВР: «1-е — считать необходимым выработку и проведение в ДВР решительных мер экономического принуждения в целях упорядочения финансового, продовольственного и хозяйственного положения. 2-е — совершенно изъять из обращения звонкую монету и провести в отношении торговцев и всего крупно-зажиточного слоя населения ДВР чрезвычайный налог. 3-е — предложить Минвнудел через подчинённые ему управления — милиции, Госуд. Охраны — составить список гр.[,] виновных в сношениях с представителями иностранных держав, оказывавших содействие воинским частям Семёнова и др. для последующего объявления их изменниками и конфискации их имущества. 4-е — поручить т. Гросману в спешном порядке разработать общий план построения экономических органов республики, объединённых Высшим Экономическим Советом. 5-е — представить в ЦК докладную записку с указанием в ней невозможности длительного существования ДВР на основах

¹⁸ А.А. Знаменский не был сторонником буфера, но публично на общих мероприятиях разногласия в Дальбюро, видимо, не выносились, а проводилась единая линия в соответствии с указаниями центра.

свободного частного хозяйства, в действительности ведущего к разрушению всех производительных сил[,] и необходимости переустройства всей экономической жизни на советских началах» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 11. Л. 90]. Все предложения А.А. Знаменского были приняты Дальбюро. При этом они явно носили просоветский характер и противоречили установке на компромисс с правыми социалистами, заявленной на I Дальневосточной конференции РКП(б).

Экономическая стратегия Верхнеудинского правительства в 1920 г. реализовывалась в русле советской политики военного коммунизма: осуществлялись милитаризация труда, трудовые мобилизации, продразвёрстка, отказ от «звонкой монеты», ущемление прав «контрреволюционеров» и проч. Поддержка жёсткой политики в отношении оппозиции и установка на необходимость скорейшего перехода к советским порядкам больше соответствовали настроениям рядовых коммунистов, областных партийных руководителей и большинства членов Дальбюро.

Другим примером просоветских настроений ответственных работников областного уровня стало закрытое заседание Прибайкальского губкома РКП(б) совместно с представителями райкомов, Центрального бюро профсоюзов, заведующих отделами Коммунистического союза молодёжи (КСМ) и ГПО 30 декабря 1920 г. Риторика участников и их предложения указывают на желание срочно установить советский порядок и применять советские методы борьбы с «контрреволюцией». На заседании начальник Прибайкальского областного отдела ГПО Каптиков¹⁹ доложил о трудностях работы в условиях буфера. Он подчеркнул, что ГПО бессильна в борьбе с контрреволюцией из-за политических свобод, существовавших в ДВР: «Например[,] получен приказ Центрального правительства о том, чтобы в случае ареста какого-либо лица[,] работающего в том или ином учреждении, в котором служило лицо, подлежащее аресту, так как... во главе почти всех учреждений стоят спецы-белогвардейцы, то лицо, которое будет нужно арестовать, всегда будет извещено об этом заблаговременно и успеет выскользнуть из наших рук. Во время обыска, при аресте какого-либо политического преступника, то почти никогда не удаётся найти у арестованного компрометирующие его документы. Это обстоятельство делает нас бессильными. ГПО ни больше ни меньше как игрушка забуферившихся людей». Он предложил «организовать террористическую группу из ответственных работников. Нужно, чтобы Губком дал распоряжение действовать в этом направлении. Нужно добиться того, чтобы Правительственные органы, как ОблНарревком, не привлекали нас к ответственности за тот или иной акт, а чтобы всякие возбуждённые жалобы

¹⁹ В источниках фамилия пишется по-разному: Коптиков или Каптиков. На заседании Прибайкальского губкома РКП(б) он был снят с должности начальника Прибайкальского отдела ГПО за злоупотребления служебным положением, спекуляцию и другие правонарушения. По мнению Каптикова, все обвинения являлись ложными и он не был виновен [РГАСПИ. Ф. 372. О. 1. Д. 91. Л. 199—201]. Каптиков занимал должность начальника отдела ГПО до 12 января 1921 г. [13, с. 130].

клар под сукно. Наконец, пусть хотя бы и попадёт один два человека под суд, и[,] может быть[,] будут расстреляны, но за то мы больше сделаем и заставим замолчать зарвавшихся контрреволюционеров. Дайте свободы действий[,] и можно с речительством сказать, что через неделю, самое большее через две, контрреволюционеры будут шипеть только по углам и нигде не посмеют выступать открыто. Красный террор неизбежен[,] и в Советроссии оправдывают нас. Наоборот, если мы ничего решительно не примем, то мы заслужим справедливый упрёк, что мы ничего не сделали и этой бездеятельностью принесли вред общему делу. В Иркутске и так на нас уже смотрят косо и считают чуть ли не белогвардейцами. <...> Все эти декларации Правительства, все эти мягкотелости и проч. связывают у нас руки, а белогвардейщина с наглостью насаждает на нас. Терпения больше нет. Если мы будем медлить, если мы не будем принимать ничего решительного, мы действительно можем оказаться в Селенге. Только при беспощадной борьбе со всеми поднявшими голову белогвардейцами, мы одержим победу, только красный террор заставит замолчать контрреволюционеров...» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 91. Л. 194—195].

Предложение Каптикова «организовать террористическую группу из ответственных работников» для организации «красного террора» было поддержано большинством присутствовавших (6 голосов против 2). Выступивший против И. Емельянов сказал: «...ГПО до тех пор, пока здесь демократический порядок, не может действовать так, как действует ВЧК, ибо там диктатура. И до тех пор, пока не будет здесь Совета, ГПО останется в прежнем положении...» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 91. Л. 195—195 об.].

Ситуативность решения по поддержке буфера, которое было принято на I Дальневосточной конференции РКП(б), доказывает и стремительная перемена в настроениях членов Дальбюро ЦК РКП(б). Уже 20 декабря 1920 г. они²⁰, воспользовавшись «удобным моментом» (тяжёлой болезнью А.М. Краснощёкова²¹), решили вновь поднять перед ЦК вопрос об упразднении буфера. 20 декабря 1920 г. Дальбюро²² включило в повестку дня вопрос «О политическом курсе в пределах Даль[него] Востока» и приняло решение: «Поставить вопрос перед ЦК о необходимости перехода демократического буфера на Советский порядок в силу ряда изменившихся положений внутреннего и внешнего порядка, поручив т. Знаменскому и Трилиссеру составить докладную записку ЦК, предварительно проведя её через Дальбюро». Удобным для перехода власти

²⁰ В состав Дальбюро в это время входили А.М. Краснощёков (болел и не присутствовал на заседании), А.А. Знаменский, С.Я. Гроссман, М.А. Трилиссер, М.Э. Дельви и В.И. Хотимский (последний находился в Приморье) [26, с. 55].

²¹ В декабре 1920 — начале января 1921 г. А.М. Краснощёков болел пневмонией. Не долечившись, он приступил к работе и 3 апреля 1921 г. вновь заболел тяжелейшей пневмонией с кровохарканием. Несколько недель состояние его оставалось очень тяжёлым, долго держалась температура, и только в конце апреля он пошёл на поправку [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 446а. Л. 223, 226, 232, 342].

²² Присутствовали: С.Я. Гроссман, М.Э. Дельви, М.А. Трилиссер, А.А. Знаменский, секретарь В. Ларин [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 11. Л. 102].

признали «момент созыва Учредительного собрания», об этом было решено уведомить Сиббюро ЦК РКП(б) и принять ряд организационных мер [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 11. Л. 102].

25 декабря 1920 г. Дальбюро ЦК РКП(б)²³ утвердило текст телеграммы «Об изменении политической линии поведения на Дальнем Востоке» в ЦК РКП(б): «1. Поставить на рассмотрение Центрального Комитета вопрос о дальнейшем существовании ДВР на демократических началах. 2. Просить ЦК признать необходимость и своевременность преобразования ДВР в советскую единицу. 3. Указанное преобразование провести постановлением созываемого 25 января 1921 года Учредительного собрания Дальнего Востока. В обоснование настоящего постановления Дальбюро сообщает: 1) Образование буфера имело значение обеспечения глубокого тыла РСФСР в обстановке разгара борьбы на основных участках фронта. 2) Ныне РСФСР отвоевала устойчивое положение рядом с капиталистическими государствами не передышкой — следствием разрыва в круге империалистов — а закреплением прочного международного существования в общей сети капиталистических государств. 3) ДВР как буфер демократический обладает малыми средствами, силами и способами к завершению поставленных задач, почему острые вопросы Приморья, Владивостока, Китайско-Восточной жел. дор. получают решение общим порядком через Москву — Лондон (ср. ноту японпосольства в Лондоне). 3а) Признание ДВР как буфера не представляет возможности империалистам создать из него базу для борьбы против Сов[етской] России и встречает не менее затруднения чем признание самой СовРоссии. 4) Экономическое состояние Дальнего Востока требует срочного применения последовательно советских приёмов, без чего производительные силы и запасы дальневост[очных] областей обречены на расхищение. 5) Наличие демократических условий препятствует действительному построению продовольственного дела, обрекая на подрыв всех сил рабочего класса. 6) Существование ДВР не в обстановке борьбы за оборону и независимость Сов[етской] России, а в условиях мирной работы ведёт к закреплению хищнических элементов буржуазии, пробуждая и утверждая интересы кулаческих верхов сельского населения. 7) Демократический состав буфера поведёт к закреплению Учр[едительным] Собранием всех демократических условностей, образуя в дальнейшем решительное препятствие к Советскому порядку...» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 11. Л. 154—154 об.; 28, с. 55].

Кроме того, Дальбюро поручило ответственному работнику ДВР С.Г. Вележеву, направлявшемуся на VIII Всероссийский съезд Советов, остановиться в Омске и проинформировать Сиббюро ЦК РКП(б) о принятом решении. 21 декабря 1920 г. Сиббюро ЦК РКП(б) заслушало доклад С.Г. Вележева о положении дел в республике, а также о решении Дальбюро декларировать преобразование ДВР на советских началах и полное слияние с РСФСР во время Учредительного собрания [9, с. 178; 28, с. 55—56].

²³ Присутствовали: С.Я. Гросман, М.А. Трилиссер, А.А. Знаменский и секретарь В. Ларин.

Сиббюро постановило, что «не имеет возможности высказаться вполне категорически о буфере, так как оно в течение нескольких месяцев лишено было систематической информации, несмотря на все обещания и постановления ЦК РКП(б) и Дальбюро. Насколько общее знание условий позволяет судить, Сиббюро считает своевременной постановку вопроса о ликвидации буфера по таким соображениям: а) власть в буфере, несмотря на все попытки наладить соглашение с меньшевиками, эсерами и цензовыми элементами[,] строится Коммунистической партией, которая целиком несёт ответственность перед трудящимися массами за буфер; б) буфер не пользуется и теперь доверием трудящихся масс ДВР; в) буржуазия пользуется институтом частной собственности[,] свободы торговли для полного расхищения и оголения ДВР; г) не давая никакого удовлетворения трудящимся массам, Правительство ДВР вынуждено тем не менее вводить реквизиции, развёрстку и формы хозяйственной политики РСФСР. Всё это дискредитирует РКП и может вызвать глубокое недоверие к ней трудящихся масс ДВР к тому времени, когда образование Советской власти станет неизбежным для ДВР. Кроме того, торговые отношения через ДВР при создавшихся условиях будут не легче, а труднее, и политически становится выгоднее для Японии вести сношения непосредственно с РСФСР» [9, с. 178—179]. Это решение Сиббюро передало в ЦК РКП(б) через С.Г. Вележева. В текстах обоих постановлений явно заметно негативное отношение к частной собственности, буржуазии, содержатся прямые требования скорейшего перехода к «советскому порядку».

Москва отреагировала очень быстро — уже 4 января 1921 г. Пленум ЦК РКП(б) рассматривал вопрос о ДВР. На заседании присутствовали В.И. Ленин, Н.Н. Крестинский, Л.Д. Троцкий, Ф.Э. Дзержинский, И.В. Сталин, Л.Б. Каменев, А.П. Смирнов, М.И. Калинин, Е.А. Преображенский, Я.Э. Рудзутак, А.И. Рыков, А.А. Андреев, М.П. Томский, Г.В. Чичерин, Л.М. Карахан, П.М. Никифоров, С.Г. Вележев. Пленум постановил: «Признать советизацию Дальневосточной республики безусловно недопустимой в настоящее время, равно как недопустимыми какие бы то ни было шаги, способные нарушить договор с Японией. Для детальной выработки основных положений экономической и внешней политики Дальневосточной Республики создать комиссию в составе т.т. Преображенского (или Крестинского), Никифорова и Чичерина. Заключение комиссии внести в Политбюро в 4-х дневный срок...» [9, с. 184—185]. 12 января 1921 г. Пленум ЦК РКП(б) утвердил разработанные комиссией «Краткие тезисы по Дальневосточной республике» [26, с. 57].

24 января 1921 г. тезисы были посланы телеграммой в Читу А.М. Краснощёкову, копии — М.А. Трилиссеру и П.М. Никифорову. Текст тезисов в новой редакции приводим полностью: «ДВР, уже признанная официально РСФСР, обнимает русские Дальневосточные окраины в пределах границ, указанных в проекте договора о границах, выработанного и предложенного ДВР в октябре 20-го года. Столица её должна быть в Чите, как пункте[,] более отдалённом от непосредственного влияния Японии

и других интервентов. Владивосток, легко подпадающий под Японское влияние и менее тесно связанный с Российской Сибирью, не должен быть столицей. Работающие во Владивостоке товарищи должны прилагать все усилия к устранению известного сепаратизма, открывающего путь попыткам Японии овладеть побережьем Тихого океана. Приамурская же область уже всецело подчиняется Центральному Правительству[,] и это положение должно там продолжаться. Имеющаяся там на местах Сов[етская] власть может в местном масштабе продолжать существовать, не нарушая формально буржуазно-демократического характера Республики в целом. Этот характер её является чисто формальным. Введение парламентского строя в ней не должно быть допущено, в частности Учредительное Собрание ДВР, созываемое на 25-ое января 21-го года в Чите, после установления конституции, выборов Центрального Правительства и расширенного Президиума, должно разъехаться и собираться периодически на краткосрочные сессии по мере надобности. Выборы же в исполнительные органы в Центре и на местах формально должны считаться беспартийными, фактически же должны состоять целиком или в подавляющем большинстве из коммунистов. Народно-Революционная Армия ДВР, будучи формально подчинена правительству этой буржуазно-демократической республики, и только ему, на деле должна быть одной из армий Советской России. Все сношения, помимо сношений со своими правительствами, должны вестись непосредственно из Московского Центра со Штабом Главкома Нарревармии. Для оформления передачи снабжения и продовольствия ДВР последняя номинально делает заём у РСФСР. Главком назначается Реввоенсоветом РСФСР и формально утверждается Правительством ДВР. Абсолютно недопустимо формальное отрицание института частной собственности, но путём ряда ограничений, как например конфискация предприятия врагов народа, особенно сбежавших за границу, проведением государственной монополии на хлеб и товарное сырьё и других мер должно быть создано целесообразное для коммунистического руководства промежуточное экономическое положение. ЦК РКП руководит политикой через назначенное из Центра Дальбюро (из 3—5 лиц)[,] непосредственно подчиняющегося ЦК РКП и Наркоминдел и сносящихся с ними непосредственно. Дальбюро, не подчиняясь Сиббюро, должно быть в тесном контакте с ним[,] и все его распоряжения и распоряжения Дальневосточного правительства должны немедленно доводиться до сведения Сиббюро. В состав Дальневосточного правительства Сибревком делегирует своего постоянного представителя. Все существенные вопросы внутренней и все без исключения вопросы внешней политики, особенно все вопросы о концессиях, экономических соглашениях и взаимоотношениях с иностранным капиталом, решаются с согласия Центра. Считать документ этот строго секретным и подтвердить от имени Политбюро, что за малейшее несоблюдение конспиративного отношения к этому документу будет возложена строжайшая мера.

Дополнение к тезисам о ДВР:

Все промышленные и торговые предприятия, перешедшие в процессе революции в собственность государства[,] целесообразно закрепить в законодательном порядке за государством. Примечание: отчуждение новых предприятий от частных владельцев можно производить с должной осторожностью, не вызывая конфликтов международного характера. Финансовая и торговая политика ДВР проводится с согласия Наркомфина и Внешторга РСФСР. В частности[,] вопрос о судьбе золотого фонда ДВР решается согласно директивам Наркомфина. Во избежание вывоза золота из ДВР за границу Дальбюро предлагается срочно выработать ряд мер по снабжению ДВР продуктами из РСФСР, сохраняя ДВР, как переходное государственное образование. Мероприятия органов власти ДВР должны сводиться к скорейшему установлению непосредственных сношений РСФСР с иностранными державами. Внешняя политика ДВР целиком подчиняется РСФСР. Все дипломатические мероприятия и заявления ДВР принципиального характера делаются с санкции ЦК. Дипломатические представители не имеют права выступать от имени РСФСР и делать от её имени прямые или связывающие РСФСР заявления, за исключением тех случаев, когда им будут даны специальные на этот предмет полномочия или поручения. Деятельность дипломатических представителей ДВР за границей контролируется представителями Наркоминдел в ДВР. Наркоминдел имеет дипломатическое представительство в Чите и консульство во Владивостоке. Дальбюро РКП поручается в кратчайший срок провести и утвердить в Учредительном Собрании договор о границах ДВР[,] намеченных в проекте от октября 1920 года...» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 118. Л. 35—37, 44—45 об.].

Несмотря на чёткое указание Москвы о сохранении буфера и его характере, борьба в Дальбюро продолжалась, более того, разногласия между А.М. Краснощёковым и М.А. Трилиссером, С.Я. Гросманом, А.А. Знаменским, видимо, достигли кульминации. 18 января 1921 г. в Сиббюро ЦК РКП(б) И.Н. Смирнову была послана телеграмма об окончательном разрыве членов Дальбюро с А.М. Краснощёковым. Эта ситуация, мешавшая работе, вызвала беспокойство ЦК РКП(б), и на пленуме 26 января 1921 г. вновь был поставлен вопрос о ДВР и принято постановление: «Поручить Оргбюро немедленно путём сношения по проводу приказать обеим группам Дальбюро работать дружно, изложить кратко свои разногласия и во что бы то ни стало проводить директивы ЦК относительно „буферного государства“» [26, с. 57].

Однако, судя по разговору по прямому проводу 28 января 1921 г. находившегося в Омске С.Г. Вележева с А.А. Знаменским и М.А. Трилиссером в Чите, «работать дружно», несмотря на приказ Москвы, не получалось. Чита, кроме сообщения о предварительных итогах выборов в Учредительное собрание и о повестке дня партконференции, попросила С.Г. Вележева передать И.Н. Смирнову: «...единственное условие дальнейшей работы Дальбюро является срочное исключение из его состава, как вы говорите,

премьера. Форсированья в этом нет, ибо такой исход ясен был ещё на первой конференции, а Сиббюро и год назад» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 118. Л. 43—43 об.].

Невозможность слаженной работы и нехватка кадров отражались на функционировании не только Дальбюро, но и областных партийных организаций. На II Дальневосточной конференции РКП(б), проходившей в Чите с 8 по 14 февраля 1921 г., в адрес столичных партийных работников опять посыпались критические замечания: указывалось на разноречивость директив, неслаженность действий административного аппарата, слабость партийной работы, что «чувствительно отразилось на работе на местах, где подчас работники оставались без своевременных и надлежащих директив» [26, с. 59—60].

В ходе избирательной кампании и во время работы Учредительного собрания большевикам приходилось трудиться в сложных условиях мобилизации оппозиционных партий, у которых активизировались надежды, что работа парламента поможет трансформации буфера в демократическом направлении. Учредительное собрание стало попыткой оппозиционных депутатов приблизить буфер к буржуазно-демократической республике — создать постоянно действующий парламент, превратить его заседания в арену политических дискуссий, осуществлять критику действующей власти, усилить собственное политическое влияние. Судя по бурным обсуждениям, меньшевики и эсеры прекрасно осознавали стремление большевиков монополизировать власть и использовать своих идеологических противников в качестве политической ширмы, прикрывавшей истинный — просоветский — характер буфера. Некоторые из них пошли на компромисс с большевиками и согласились войти в состав правительства, но большинство, включая руководителей местных отделений партий меньшевиков и эсеров, главной задачей, вероятно, видели разъяснение крестьянским и рабочим массам истинного характера буферного государства, противодействие большевикам и наращивание собственного влияния в массах. Представители правых социалистов во время предвыборной кампании и после съезда проводили агитационные поездки по деревням. Представители ГПО ДВР постоянно обвиняли эсеров и меньшевиков в контрреволюционной деятельности на том основании, что во время поездок по областям они распространяли пропагандистскую литературу, проводили сходы и собрания, якобы распространяли слухи о скором падении власти коммунистов и в печати проводили антибуферную и антикоммунистическую агитацию [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 33. Л. 7 об., 9 об.—10, 71; Д. 114. Л. 18, 20, 26, 74].

Б.М. Шерешевский пишет о том, что «решение ЦК партии возымело действие на противников существования „буферного“ государства. Они вынуждены были пересмотреть свои позиции и включиться в практическую работу по подготовке к открытию Учредительного собрания» [26, с. 57]. Однако это, видимо, не совсем соответствовало действительности.

Несмотря на сильную загруженность членов Дальбюро и правительства во время избирательной кампании и работы Учредительного собрания,

раздоры и склоки не прекратились и по-прежнему мешали работе центральных и местных органов власти. Новая группа оппонентов А.М. Краснощёкова сформировалась вокруг П.М. Никифорова: объединились как сторонники немедленной советизации ДВР, так и «владивостокцы-соглашатели», выступавшие за коалицию с правыми социалистами. Объединяло их только одно — обе эти группы выступали против руководства А.М. Краснощёкова ДВР. Обстоятельно и красноречиво сложившуюся ситуацию описывает обнаруженное в фондах РГАСПИ рукописное письмо без адресата, подписи и даты²⁴ [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 85. Л. 41—44 об.]. Оно свидетельствует о том, что не только буферная политика была причиной разногласий, но также и борьба за власть внутри Дальбюро и личные амбиции ответственных партийных работников. Конфликты влияли на работу не только партийного руководства и правительства, но и областных комитетов РКП(б), заставляя выбирать чью-либо сторону. Бесконечные заседания, посвящённые обсуждению спорных вопросов, отнимали время и отвлекали силы от решения насущных проблем.

Текст письма приводится с незначительными сокращениями:

«Дорогие товарищи,

Постараюсь информировать Вас вкратце о тех явлениях в партии, которые наблюдаются в Дальбюро и Комфракции. Злобой дня является[,] несомненно, кризис[,] охвативший партию[,] до крайности обостривший склоки, сгустивший и без того склочную атмосферу. Происхождение кризиса — вам хорошо известно. В основе его лежит та великолепно знакомая вам „краснощёковщина“[,] борьба с которой идёт на всём протяжении истории буфера в рядах РКП на ДВ. Что представляет собой К-на — вам хорошо известно. К-ну нельзя даже назвать особым течением, направлением в партии; скорее всего[,] это своеобразное отношение к партии как к нежелательному, но неизбежному (по предписанию центра) декоруму к буферу. И так борьба[,] которая недавно велась в рядах РКП между „советчиками“ и „буферистами“[,] неожиданно переменяла фронт, изменила характер, превратилась в борьбу „кр-цев“ с „антикр-цами“ („никифоровцами“). В первом случае фронт разделяло отношение к буферу — Совет или буфер? Отсюда — правое и левое крыла, ведущие борьбу между собою. „Кр-ц“ как синоним „буфериста“ стоял тогда на правом фланге. Теперь же грань между правой и левой почти стёрлась; оба фланга[,] и левый, и правый[,] образовали одну антикр-ую оппозицию. В этом вся сила и слабость оппозиции; сила в том, что громадное большинство членов комфракции и владивостокцев и амурцев и „красных прибайкальцев“ образовали единый фронт. Слабость — в коренном расхождении во взглядах на буферную политику; слишком мало точек соприкосновения между владивостокцами-соглашателями и „советчиками“. Единственно объединяющее, общее — отрицательное отношение к Краснощёковщине, критика её как

²⁴ Судя по упоминанию в тексте смерти М.Э. Дельвига, что произошло 11 апреля 1921 г., письмо написано на следующий день после трагического события — 12 апреля. Адресовалось же оно, вероятно, членам Сиббюро или ЦК РКП(б).

справа, так и слева. Вот что представляет собой оппозиция. Бой начался по вопросу о главе правительства. Завязка его началась два месяца тому назад. Перед отъездом Знаменского и Трилиссера по их настоянию Дальбюро решило вопрос в пользу Никифорова. Когда же теперь, комфракция подошла к этому вопросу, то решение Дальбюро получилось уже другое. Вопрос вторично перерешался в Дальбюро и довольно любопытно: из 3-х членов Дальбюро (Никифорова, Краснощёкова и Гросмана) первый и последний воздержались[,] и большинством (!) вопрос был решён в сторону Краснощёкова (единогласно!). Конечно, ЦК об этом вторичном решении было информировано[,] и результатом этой информации явилось утверждение ЦК кандидатуры Краснощёкова. Вслед за ним был получен протест от Знаменского и Трилиссера против вторичного решения Дальбюро. Все эти подробности[,] скрытые от непосвящённых глаз, выявились в комфракции во время прений. В течение трёх заседаний подряд обсуждался в Комфракции этот вопрос. Заседания носили очень страстный характер, демагогия и грязь лились от обеих сторон. Красн-в „дипломатично“ огласил телеграмму ЦК не в начале, а в середине прений. Эта дипломатия явилась искрой, зажжённой порох; собрание бурно протестовало, по адресу Кр. Раздавались и негодующие, и насмешливые возгласы, крики „позор“. Когда директива ЦК была оглашена, собрание перенесло вопрос в плоскость: следует ли эту директиву оставить без обсуждения, подчиниться ЦК[,] или же собрание считает нужным пересмотреть это решение? Большинство высказалось за второе. Я не буду передавать подробности этих бурных заседаний, когда один за другим выступали более 40 ораторов. Нечего и говорить, что демагогии было разливное море. Я, к сожалению, не присутствовал на последнем, самом знаменательном, заседании. В прениях особенно наглядно выявились три течения: 1) Группа К-вцев, руководимая Тайальмым²⁵ и Яковлевым. К этой же группе примкнул наш Цыпылов (кстати сказать, получивший тёплое местечко Зав. Крест. секцией Военпура), внёсший такую архикр-ю резолюцию, что самым ярким сторонникам К. стало немножко неудобно от усердия Цыпылова. 2) „Никифоровцы“ — владивостокцы и „советчики“ (часть военных, приборкальцы и часть амурцев). Как я уже писал, что оппозиция неоднородная. Вторая часть — советчики — (поддерживали) Никифорова из тактических соображений, чтобы изолировать К и побудить Центр обратить внимание на буфер и пригласить руководителей. 3) Наконец, последняя группа воздержавшихся — часть амурцев, которая в мотивированной записке заявила, что считает для себя неприемлемыми обе кандидатуры, т.е. занимает ту же идейную позицию, как и мы, но действует более прямо. Результат голосования вам известен: за Краснощёковскую резолюцию было подано около 35 гол., за Никифоровскую — около 58, воздержалось при первой резолюции 26 гол., при голосовании второй резолюции — 20 гол. К-цы, чтобы припугнуть фракцию, настояли, чтобы голосование было поимённым, что было

²⁵ Неразборчиво.

проведено. Таким образом большинством было решено обратиться в ЦК с просьбой пересмотреть решение и выставить кандидатуру т. Никифорова. И вот, 8-го апреля вечером пришёл из Москвы ответ: уполн. ДВР т. Кушнарев сообщил, что Оргбюро ЦК единогласно решило в пользу Никифорова; состав Дальбюро изменяется и утверждается в следующем виде: 1) Никифоров, 2) Юренин, 3) Губельман (последний как раз только что прибыл в Читку вместе с т. Шумяцким). Однако К-вцы, по выражению т. Гросмана[,] оказались вышибленными из Дальбюро только на одну ночь. На следующий день пришла новая телеграмма, сообщающая, что Политбюро ЦК утверждает на пост главы Краснощёкова и оставляет старый состав Дальбюро без изменений. Таким образом, устанавливается „Status quo“. Кризис, который был уже близок к разрешению, затягивается, принимает затяжную хроническую форму. Нечего и говорить, что единство партии на ДВ утрачивается. Я не думаю, конечно, что „Кр-на“ с её победой вызовет разложение партии. Она слишком слаба, чтобы оказать на широкие массы своё отрицательное действие. Кр-на затронет главным образом только т.н. „верхи“ (не совсем точное выражение!), заражая их карьеризмом, хулиганством, шкурничеством. Широкие же массы, если будут разлагаться, то виной тут уже будут другие объективные условия буферной действительности, в которой Краснощёковщина будет играть роль существующего подсобного элемента. Главные — общие политические условия, которые толкают последовательно буфер вправо. Мы стоим между сильным поправлением всей нашей буферной линии. В таких условиях центр тяжести партийной работы ляжет на органы на местах при полном (или почти) отсутствии партцентра. Насколько удастся спасти партию от разложения — Аллах ведает. Тут ждали было улучшения курса в связи с приездом т. Шумяцкого. Приезд совпал как раз с моментом кризиса. Но тут как раз была получена телеграмма Политбюро ЦК[,] и все эти надежды рухнули. На одном из заседаний Краснощёковской оппозиции была намечена тактика: работа в низах, профсоюзах, посылка в ЦК коллективных протестов от партийных коллективов по поводу назначения К., посылка в ЦК и Дальбюро заявлений от отдельных товарищей, занимающих известные посты[,] о сложении полномочий, отказ от работы в правительственных учреждениях и пр. Такая тактика уже проводится. Я боюсь, что эта тактика зайдёт слишком далеко. Единой партии уже сейчас точно нет.

Таково вкратце положение в Комфракции. Сама по себе Комфракция очень групповская; часть, особенно крестьянская, заражена мелкобуржуазной и интеллигентской...²⁶; часть — определённые карьеристы; есть лощёные владивостокские парламентарии. В общем „тихий ужас“, „зелёное бешенство“. Есть процент выбившихся из колеи, потерявших равновесие честных товарищей. К числу таковых я должен отнести тов. Емельянова. С ним произошла любопытная метаморфоза: превратился в краснощёковца. В этом отношении он обменялся ролью с тов. Якимовым — тот стал

²⁶ Слово написано неразборчиво.

антикраснощёковцем. Это явление у Емельянова я объясняю отрицательным действием, внушающей отвращение вообще, склочной атмосферы, в которой огромную роль играют личные элементы[,] подчас карьеризм и пр. Кроме того повлияла известная беспочвенность оппозиции[,] созданная из двух непримиримых сторон [—] „советчиков“ и соглашателей-владивостокцев, к которым тов. Емельянов чувствует некоторую неприязнь и отвращение. В его „настроении“ чувствуется тоска по твёрдой руке, которую представляет К. и которой нет у оппозиции. Красной нитью в одном из выступлений т. Емельянова было „царь хорош, министры плохи“.

Работа Учредилки подвигается полным ходом; после ультиматума крестьянской фракции — закончить работу не позже 10 апреля, работа пошла более оживлённо. К 20 во всяком случае будет Учр. закончена. Меньшевики эсеры[,] конечно[,] тормозят[,] но большинством все их препятствия преодолеваются. Самая важная часть работы — это Конституция, которая более чем на половину уже принята. Некоторые пункты[,] напр. раздел „О власти“[,] представляет арену сплошного боя с „социалистами“. Положение в городе неважное, белогвардейцы проводят белый террор — совершили ряд убийств и покушений, теперь введено военное положение. Партийная работа в городе Чите тоже неважная. Да[,] сообщая печальную новость — скоропостижно от чахотки умер[,] свалившись на улице[,] тов. Дельвиг. Сегодня его похороны. Он был наисильнейший работник в Губкоме. Ромм и К^о на 10-м съезде ещё не вернулись, вскорости и не вернуться...» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 85. Л. 41—44 об.].

Вероятно, одним из упомянутых в письме коллективных протестов является срочная телеграмма из Прибайкалья от 15 апреля 1921 г. в два адреса — ЦК РКП(б) и В.И. Ленину²⁷: «Вынуждены бросить работу бежать идти на партийное преступление формально не имея силы продолжать его дальше по существу. Долгая работа в ДВР убедила нас полной невозможности доверять ни морально ни политически Краснощёкову как главе правительства и Дальбюро как партруководителю. Основной тон агентов власти насаждаемых Краснощёковым полная аморализованность недисциплинированность безответственность дискредитирование власти в глазах масс. Борьбы с этим злом не ведётся никакой ибо центры ДВР игнорируют места не считаются с ними ни в чём. Дальбюро РКП вместо политической работы и руководства производят разрушение парторганизации мешает работе. Дальбюро существует лишь на бумаге его деятельность интриги. Мы изнемогли и дальше нести тяжёлую ответственность за недостойную преступную политику безответственных не считающихся ни с чем лиц не можем. Требуем присылки людей для замещения наших мест не позднее чем в месячный срок со дня подачи этой телеграммы. Материальные средства ДВР тоже распределяются нерационально не планомерно. Центр живёт за счёт мест обескровливая их. В областях по несколько месяцев рабочие учителя медицинские работники не получают заработка.

²⁷ Сохранены орфография и пунктуация источника.

Настаиваем на сугубом внимании к нашему требованию оно продиктовано политическим долгом велениями революционной совести. Промедление в проведении нужных мер по обновлению центра грозит гибелью нашего дела в ДВР. В случае не принятия Вами мер указанное нами время мы бросим работу так как у нас нет сил продолжать её...» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 85. Л. 56; Д. 88. Л. 8, 10—10 об.]. Под письмом 10 неразборчивых подписей, первым идёт секретарь Прибайкальского облкома РКП(б) И.Я. Гольдман.

В этой телеграмме и в других сообщениях с мест в Читу и Москву высказывались две основные претензии: плохая партийная и организационная работа Дальбюро, погрязшего в интригах и склоках, и невнимание столицы ДВР к просьбам и проблемам областей, нерациональное и непланомерное распределение средств. Кроме того, именно с А.М. Краснощёковым большинство партийных работников связывали политику не формального, а реального строительства буржуазно-демократического буфера. Провозглашённые в буфере свобода слова и собраний, политической агитации, прессы, а также возможность для социалистов участвовать в политике и вести агитацию раздражали большинство коммунистов. Их беспокоило отсутствие монополии на власть. Наиболее наглядно это отражалось в сводках Главного управления Госполитохраны ДВР, которые пестрили сообщениями о «контрреволюционной» работе представителей оппозиционных партий — членов Учредительного собрания — в деревнях. Например, в сводке за апрель 1921 г. говорилось: «По поступившим сведениям[,] во многих деревнях области идёт усиленная контрреволюционная работа. Собираются тайные сходы, собрания и т.п. На этих собраниях читаются присланные членами Учредсобрания письма. Вырабатываются какие-то указы, указы эти вырабатываются с большой тайной, так что узнать содержание хотя бы одного указа не удаётся. В некоторых сёлах белогвардейцы[,] кулаки открыто грозят своим односельчанам[,] сочувствующим Компартии, запугивают тем, что коммунистам осталось жить несколько дней и т.п. Такие заявления имеют[,] конечно[,] известное влияние на партийных и сочувствующих[,] находящихся в деревнях» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 85. Л. 59 об.].

Политическое положение Восточно-Забайкальской области в сводке МВД за период с 1 по 15 марта 1921 г. описывалось так: «...в местах, особенно пострадавших от реакции, отношение к нынешней власти благожелательное, а в деревнях, не пострадавших от белогвардейцев, замечается недружелюбное и даже враждебное отношение. Конечно, говорить о массе, как о целом, не приходится. Без сомнения[,] и тут, и там есть и сторонники, и противники в зависимости от материального положения той или иной части общества. Деревня раскололась на два лагеря, и в то время, как одна часть организует комячейки и комсомолы, другая часть усиленно распространяет слухи о скором возвращении белогвардейцев». Среди бурят «сильное брожение» вызывали слухи об успехах Унгерна [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 106. Л. 2, 11; 19, с. 59].

На III Дальневосточной краевой конференции РКП(б), проходившей 9—17 июня 1921 г. в Чите, после доклада секретаря Дальбюро Быкова о работе секретариата в 1921 г. прозвучала критика в адрес Дальбюро. Членам ДБ опять ставилось в вину слабое взаимодействие с местами (отсутствие директив и посещения областей, преобладание государственной работы над партийной, «обескровливание мест» — переброска кадров в центр без согласия областей), но главное — что разногласия между членами Дальбюро (А.М. Краснощёковым, А.А. Знаменским и П.М. Никифоровым) не позволяли выстроить единую политику центра по решению насущных проблем ДВР и довести её до мест [23, с. 12—17]. И.Я. Гольдман, в частности, заявил: «...три члена ДБ выявляли на работу три совершенно разных точки зрения, и поэтому руководящего парторгана не было...» [23, с. 14].

После Меркуловского переворота борьба группировок несколько затихла. Приход к власти в Приморье Меркуловского правительства стал ощутимым ударом по ДВР и вызвал активизацию мер по укреплению НРА. Но с отъездом председателя правительства в Москву его оппоненты вновь активизировались. 16 июля 1921 г. А.М. Краснощёков по вызову Политбюро ЦК РКП(б) выехал в командировку в Москву. В тот же день П.М. Никифоров и М.И. Губельман телеграфировали туда с просьбой не возвращать его в ДВР. Однако сторонники А.М. Краснощёкова выступили с резкими возражениями [15, с. 153]. В конце августа 1921 г. в республике распространились слухи о возвращении А.М. Краснощёкова, они вызвали панику среди партийного руководства и срочное обращение в Москву: «Телеграмма Москва[,] ЦКРКП[,] Молотову. ЦК РКП известно отношение дальневосточной организации РКП и её ответственных работников к Краснощёкову как к личности[,] так и методам его партийной и политической работы. Никифоров Губельман[,] а впоследствии т.т. Янсон и Анохин поставили Цека в известность о невозможности совместной работы с Краснощёковым. Отзыв Краснощёкова в Москву разрешил вопрос. После отъезда Краснощёкова склока в Дальбюро среди ответственных работников прекратилась[,] началось сплочение всех работников и выпрямление партийной и политической линии. Методы иностранной политики[,] направляемой из центра Совроссии[,] не подвергаются прежним извращениям и[,] благодаря тесной связи с Чичериным и с Дальбюро[,] единая внешняя политика ДВР и РСФСР проводится планомерно. Последнее время Кожевников стал получать телеграммы от Краснощёкова о его скором возвращении в Читу[,] муссируя среди членов партии слухи о возвращении Краснощёкова в Читу как уже состоявшемся решении Политбюро. Ответственные работники[,] встревоженные возможностью возвращения с Краснощёковым прежней склоки[,] запрашивают нас[,] верны ли эти известия. Отношения ЦК к этому вопросу мы не знаем. Состояние ожидания среди всех работников парализует интенсивность работы. Считаем[,] что Дальбюро должно быть однородным, если Краснощёков будет оставлен в Дальбюро, склока возобновится и мы будем принуждены выйти из состава Дальбюро. Просим ЦК ускорить разрешение этого вопроса

и срочно сообщить нам. Анохин и Масленников солидарны с нами[,] находятся в отъезде. Никифоров, Буйко, Янсон. *Губельман*²⁸. № 790/с 25 августа 1921 г.» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 118. Л. 246].

13 сентября 1921 г. Совет Народных Комиссаров принимает решение оставить А.М. Краснощёкова для работы в Москве. 15 сентября секретарь ЦК РКП(б) В.М. Молотов телеграфировал Дальбюро, что А.М. Краснощёков снимается с работы в ДВР и назначается членом коллегии Наркомата финансов [15, с. 161—162].

После отъезда А.М. Краснощёкова разногласия по поводу буфера уже не выносились на суд Москвы, возможно, члены Дальбюро перестали дискутировать по этому поводу, одновременно до января 1922 г. прекратились и обращения в ЦК РКП(б) с просьбами о немедленной советизации. С мая 1921 г. в буфере происходило постепенное изменение экономической политики: денежная реформа и введение в качестве основы расчётов золотого рубля, переход с пайковой на денежную оплату труда, отмена государственной монополии на вывоз за границу пушнины, разрешение деятельности торгово-промышленной палаты, создание Дальбанка, принятие мер, направленных на привлечение частного капитала, иностранных концессионеров в разные отрасли экономики, и проч. [11, с. 456—462].

Среди рядовых же коммунистов антибуферные настроения продолжали господствовать. Большинству из них была непостижима сущность буфера, характер политики, особенно в сравнении с Советской Россией, в которой, по их мнению, отсутствовал так называемый демократизм, не требовалось соблюдать права «контрреволюционеров», запрещалась деятельность эсеров и меньшевиков. Рядовые коммунисты воспринимали не только буржуазию, но и правых социалистов как врагов революции, и требование сотрудничества с этими «врагами народа» вызвало у них когнитивный диссонанс. Многие представители органов Госполитохраны ДВР выражали непонимание, почему их работа «для пользы революции, без всякой корыстной цели, только во имя общих интересов революции» вызывает недовольство членов правительства и подлежит наказанию. Среди архивных документов сохранилось немало свидетельств — наивных писем и докладов, написанных рядовыми коммунистами, проникнутых верой в правоту действий во имя революции.

Ярчайшим примером является заявление работников Верхнеудинского отдела Госполитохраны ДВР от 12 мая 1921 г. товарищу министра внутренних дел М.Д. Иванову. Оно было написано после проверки, выявившей многочисленные нарушения в деятельности органов Госполитохраны и милиции — незаконное содержание под стражей, побои и пытки заключённых. Текст заявления необходимо привести полностью, как пример характерных для рядовых коммунистов и сотрудников силовых структур настроений²⁹:

²⁸ Дописано ручкой в машинописный текст.

²⁹ Сохранены орфография и пунктуация источника.

«Товарищу Министра Внутренних дел ДВР

Заявление

Тов. Иванов мы убеждены, что Вы честный и беспристрастный член нашей единой пролетарской партии, поймёте нас и быть может согласитесь с нашими выводами и впечатлениями.

По приезде Вашем в В-Удинск наш отдел Вам представился, согласно Вашему мнению, Семёновским застенком, чего конечно мы не могли ожидать от товарищей, к которым относится подобная инсинуация. Но всё же это на первый взгляд представляется печальным. Невольно является мысль: где выход из этого „кошмара“? Вы нашли его в аресте и отстранении ряда работников из числа этих лиц, большинство коммунисты т.е. члены нашей пролетарской партии. За этих коммунистов становиться стыдно, а присмотришься тогда печально.

Мы задаёмся теперь вопросом, за что их арестовали. Вы даёте ответ: за избиение арестованных. Но для нас становится не ясным, за что и для чего арестованных били. За то что они контрреволюционеры — нет. За то что они хотели свергнуть существующую власть — нет, ибо власть за это наказует. Выходит что эти гады сами напрашивались на побой: когда имеется обвинительный материал и они не желают сознаться в своих гадких и преступных проделках, и нагло заявляют следователю что они не причастны к организации даже после очных ставок и при этом держат себя вызывающе. Что же делать товарищу, который работает по целым суткам не отдыхая, стараясь только для пользы революции, без всякой корыстной цели, только во имя общих интересов революции, не получая для себя ни грош, расстраиваясь и изнервничавшись этой адской работе, хлопнет по затылку белого бандита и смотрит — тот сознался, выдаёт многих своих соратников. Товарищ добившись результатов, рад за свой успех — он может привлечь к ответственности ещё ряд преступников, ловко спрятавшись за демократизм. Казалось бы всё хорошо. Случилось что-то неладное — нагрянула гроза — приезжает „милостивый министр“, несущий милость и свободу контрреволюционеру, а „невыдержанных“ коммунистов, изработавшихся до чахотки, 5 месяцев не получавших жалованье, не имеющему хотя бы сытно покушать как рабочему человеку, работающему без указаний и в награду за всё перенесённой и принесённой — тюрьма. Та самая тюрьма куда он садил своих классовых врагов, которые и вовсе не ожидали этого и конечно эти боевые орлы реакции не преминут воспользоваться и приберут их к рукам.

Эту награду многие из товарищей получили и каждому из нас, над которым миновала чаша сия, каждому мелкому и безграмотному, но честному и преданному коммунисту впереди только тюрьма. Конечно говоря об этом мы подразумеваем только тех которые не покладая рук и честно работают в Госполитохране.

Заканчивая своё изложение, просим Вас товарищ Иванов решить этот вопрос безболезненно — только отстранением от занимаемых должностей,

не предавая их суду — ибо суда они не заслуживают. Они прибегая к подобным методам полагали что только приносят пользу революции. Вы наверно так поступите с младшими товарищами, а вы это сделаете как старший товарищ уяснивший себе положение то Вы безболезненно ликвидируете созданное положение. Тем самым дадите возможность наладить работу Отдела. И из боязни очутиться в положении арестованных, так как если не сегодня так завтра за свою работу мы научились ожидать не исправления а наказания. Мы настаиваем на отправке нас в Советроссию, где за работу не наказуют и где мы знакомы, как видно больше с декретами, нежели в хитросплетённой политике „буфера“, которую нам как видно не понять. 12.05.21 Подписи Ледовкин, Пехтерев, Попов, Теличенко, Ольшевский, Самошин, Ершов и Зуев...» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 85. Л. 102].

Это обращение к товарищу министра, как и другие подобные письма, пронизано сожалением о невозможности действовать в ДВР теми же методами, что и в Советской России.

Массовые же настроения были весьма переменчивы и сильно зависели от экономической ситуации в республике. Изменения экономической политики привели к наполнению рынка товарами, однако в условиях постоянных задержек и неполной выплаты заработной платы большинство рабочих и служащих не могли приобрести в частной торговле продовольствие и предметы первой необходимости. Это усиливало недовольство послаблениями для частников [20].

В январе 1922 г. одним из членов Дальбюро вновь была сделана попытка ликвидировать буфер и ввести советскую власть на Дальнем Востоке. 31 января 1922 г. на заседании Дальбюро М.И. Губельман, вернувшийся из Москвы, где он участвовал во Всероссийской конференции РКП(б), сделал обстоятельный доклад о своих переговорах в Омске и Москве о финансовом обеспечении НРА, рассмотрении в ЦК сметы на содержание Дальбюро, плохой работе представительства ДВР в Москве, ходе работы партийной конференции [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 131. Л. 20—23]. Он также рассказал, что «им от своего имени подано в Политбюро ЦК мотивированное заявление о ненужности Дальневосточного „буфера“. ЦК такого взгляда не разделяет» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 131. Л. 23]. После этого в Дальбюро вопрос о характере буфера или необходимости его ликвидации более не ставился на повестку дня до конца лета 1922 г. При этом с начала 1922 г., после обострения ситуации на Восточном фронте, проводимая политика свидетельствовала о том, что в Дальбюро и правительстве возобладали антибуферные настроения: активизировалось строительство «вертикали власти» и вводились советские порядки (постепенный запрет свободы слова и деятельности оппозиционных партий, курс на ликвидацию партизанщины и регионального сепаратизма, возвращение смертной казни и проч.). В условиях отступления НРА, роста бандитизма в тылу и катастрофического положения экономики и финансов ДВР все партийные кадры и средства республики были мобилизованы на нужды фронта

и военных перевозок. На этом фоне усилились просоветские настроения среди слоёв населения, поддерживавших коммунистов, и произошла их мобилизация, но наряду с этим умножились и панические настроения, поползли слухи о подготовке «контрреволюционных» выступлений.

Успехи наступления НРА и занятие Хабаровска, а затем и территории Приморья изменили ситуацию в республике в лучшую сторону, однако нехватка финансов и продовольствия, задержки заработной платы по-прежнему вызывали недовольство рабочих, служащих, а также уменьшали популярность буфера и особенно коммунистов [19, с. 59—60; 20, с. 198—203]. В отчёте Прибайкальского областного управления за период с 1 августа по 1 октября 1922 г. констатировалось, что настроение населения сильно зависело от экономической ситуации и агитации антиправительственных элементов, задержки жалования приводили к забастовочным настроениям среди рабочих и служащих государственных учреждений [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 161. Л. 159].

Массовая поддержка ликвидации Дальневосточной республики и повсеместного учреждения ревкомов, частично инсценированная на местах и в столице ДВР, а кое-где и действительно инициированная трудящимися и местными властями [4], отнюдь не свидетельствовала о единодушии населения и массовом стремлении к установлению советской власти. Впрочем, нельзя утверждать и обратное, что большинство желало сохранения буферного государства. Одно можно признать: население Дальнего Востока устало от войны и хотело установления мира и любой стабильной власти.

* * *

Острые разногласия сторонников и противников буфера в Дальбюро продолжались весь 1920 г. и до середины 1921 г. и прекратились только с отъездом А.М. Краснощёкова из ДВР. Это наводит на мысль о том, что они носили не только идеологический характер (разное понимание сущности буфера), но и личностный (неприязнь к А.М. Краснощёкову, личные амбиции членов Дальбюро и правительства в борьбе за власть). Несмотря на периодически повторяющиеся указания центра о неизменности линии на буфер, среди членов Дальбюро ЦК РКП(б) на протяжении всего времени существования буфера сохранялась оппозиция ему и лично А.М. Краснощёкову. Эти разногласия мешали работе не только Дальбюро, но и правительства, областных партийных и государственных органов власти — из центра на места либо не поступало никаких директив, либо шли противоречивые указания. Причиной медленной работы Дальбюро были, конечно, не только бесконечные конфликты и споры, но и колоссальная загруженность его членов и правительства, тяжелейшая экономическая ситуация, нехватка кадров и финансов, перманентные реформы органов государственного управления [21; 22].

После отзыва А.М. Краснощёкова из ДВР прекратились обращения в Москву (за редкими исключениями) с просьбой ликвидировать буфер, при этом с начала 1922 г. в ДВР происходила «тихая экспансия» советских практик, а с лета 1922 г. наступление на оппозицию и демократические свободы стало повсеместным — введение смертной казни «за тягчайшие против народа преступления», ограничение свободы слова и печати, принятие закона об административной высылке, аресты и высылка представителей эсеров и меньшевиков, и проч. [5, с. 40—46]. Определённое исключение составляла только экономическая политика, но на тот момент — с переходом в Советской России к нэпу — она также вписывалась в советские практики, все решения в экономике ДВР Дальбюро ЦК РКП(б) и правительство ДВР согласовывали с Москвой.

Большинство ответственных партийных работников и рядовых коммунистов рассматривало буфер как временную уступку и стремилось к скорейшему прекращению «игры в буфер» и объединению с Советской Россией. Лишь немногие видели в буфере перспективу построения государства, отличного от неё. Прямолинейность и лозунговый характер мышления, обострённая за годы Гражданской войны ненависть к «врагам революции» — буржуазии и буржуазным партиям, к правым социалистам, — мешали большевикам поддержать буфер, а тем более пойти на реальный компромисс с оппозицией, допустить многопартийность, развитие рынка и частного предпринимательства. И хотя с помощью агитации и определённого рода манипуляций ответственным партийным работникам удавалось получить желаемый результат (резолуции поддержки буфера на собраниях, партийных конференциях и учредительных съездах), большинство рядовых коммунистов и значимая для большевиков группа — участники партизанских отрядов — в душе оставались приверженцами советской власти.

Правые социалисты, возможно, в 1921 г. ещё сохраняли какие-то иллюзии о возможности трансформации буфера в демократическом направлении, но в 1922 г. с усилением политического давления они исчезли. Массовые же настроения были разнообразными и часто полярными — от требования ликвидации буфера и установления советской власти до создания действительно буржуазно-демократического буфера со свободой частного предпринимательства, слова, печати, собраний, многопартийности, с постоянно действующим парламентом. Крестьянское население глубинки иногда вовсе не ведало о смене власти в Верхнеудинске или Чите и жило в условиях собственных «самостийных республик» [21, с. 124]. Крестьяне и казаки многих уездов и волостей демонстрировали отрицательное отношение к буферу и коммунистам, выступали против мобилизации, подводной повинности, сбора налогов, в других районах — сочувствовали буферной власти, в третьих — выступали за установление Советов. Отношение населения городов, и в первую очередь рабочих и служащих, к буферу и коммунистам колебалось в зависимости от экономической и продовольственной ситуации в республике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеева Н.А. Дальневосточная народная республика (1920—1922 гг.). Хабаровск: Кн. изд-во, 1957. 64 с.
2. Азаренков А.А. «Буферная четырёххвостка»: выборные кампании в представительные органы власти Дальневосточной республики. Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Комсом.-на-Амуре гос. пед. ун-та, 2001. 77 с.
3. Азаренков А.А. «Демократический компромисс»: идея «буфера» на Дальнем Востоке в планах и тактике политических сил — участников гражданской войны в России (январь 1920 — январь 1921). Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Комсом.-на-Амуре гос. пед. ун-та, 2001. 152 с.
4. Азаренков А.А. Методы ликвидации Дальневосточной республики в 1922 году // Вопросы истории. 2006. № 8. С. 94—105.
5. Азаренков А.А. Политическая модель Дальневосточной республики: механизм функционирования институтов власти «буферного» государства (1920—1922 гг.). Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Комсом.-на-Амуре гос. пед. ун-та, 2001. 94 с.
6. Беликова Л.И. Коммунисты Приморья в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке. Владивосток: Прим. кн. изд-во, 1967. 293 с.
7. Борьба за власть Советов в Приморье (1917—1922 гг.). Сб. док. Владивосток: Прим. кн. изд-во, 1955. 831 с.
8. Василевский В.И. К вопросу о парламентаризме в ДВР // Из истории Дальневосточной республики: сб. науч. тр. Владивосток: ДВО РАН, 1992. С. 48—54.
9. Дальневосточная политика Советской России (1920—1922 гг.). Сборник документов Сибирского бюро ЦК РКП(б) и Сибирского революционного комитета. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1995. 371 с.
10. Дальневосточная республика. Становление. Борьба с интервенцией. Февраль 1920 г. — ноябрь 1922 г. Док. и мат. В 2 ч. Владивосток: Дальнаука, 1993. Ч. 1. 312 с.
11. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Владивосток: Дальнаука, 2003. 632 с. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1)
12. Егунов Н.П. Очерки истории Дальневосточной республики. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1972. 116 с.
13. Левкин Г.Г. Государственная политическая охрана Дальневосточной республики // Из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке (1918—1922): сб. науч. ст. Хабаровск, 2017. Вып. 7. С. 125—138.
14. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М.: Изд-во полит. литературы, 1982. Т. 51. 574 с.
15. Мухачёв Б.И. Александр Краснощёков. Историко-биографический очерк. Владивосток: ДВО РАН, 1999. 284 с.
16. Мухачёв Б.И. Дело Краснощёкова // Россия и АТР. 2022. № 1. С. 107—118.
17. Никифоров П.М. Записки премьера ДВР: победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на Дальнем Востоке, 1917—1922 гг. Изд. 2-е, перераб. М.: Политиздат, 1974. 191 с.
18. Папин Л.М. Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. М.: Изд-во МГУ, 1957. 224 с.

19. Позняк Т.З. «Больные вопросы» и внутривосточное положение Дальневосточной республики в 1920—1922 годах // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. № 4. С. 51—62.
20. Позняк Т.З. Продовольственная проблема и внутривосточная ситуация в Дальневосточной республике в 1920—1922 годах // Известия лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 2. С. 195—207.
21. Позняк Т.З. Реалии Дальневосточной республики в отчётах органов областных управлений и Госполитохраны // Итоги и перспективы развития исторической науки на Дальнем Востоке России (Десятые Крушановские чтения, 2021 г.). Владивосток: Дальнаука, 2021. С. 119—130.
22. Позняк Т.З. Создание местных органов власти в Дальневосточной республике: декларация и реальность // Россия и АТР. 2020. № 2. С. 63—79.
23. Протоколы 3-й Дальневосточной краевой конференции РКП (большевиков) 9-го — 17-го июня 1921 года. Чита: Дальбюро ЦК РКП(б), 1921. 67 с.
24. Сонин В.В. Становление Дальневосточной республики (1920—1922). Владивосток: ДВГУ, 1990. 352 с.
25. Ципкин Ю.Н. Дальневосточная республика: опыт демократической альтернативы // Из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.). Хабаровск, 1999. Вып. 1. С. 119—146.
26. Шерешевский Б.М. В битвах за Дальний Восток (1920—1922). Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1974. 187 с.
27. Шерешевский Б.М. Разгром семёновщины. (Апрель — ноябрь 1920 г.). О роли ДВР в борьбе за ликвидацию «читинской пробки» и объединение Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1966. 240 с.
28. Шурыгин А.П. Дальбюро ЦК РКП(б) в годы гражданской войны (1920—1922 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1966. № 8. С. 55—62.
29. ГАРБ (Гос. арх. Республики Бурятия).
30. РГАСПИ (Рос. гос. арх. социально-политической истории).
31. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

REFERENCES

1. Avdeeva N.A. *Dal'nevostochnaya narodnaya respublika (1920—1922 gg.)* [The Far Eastern People's Republic (1920—1922)]. Khabarovsk, Kn. izd-vo Publ., 1957, 64 p. (In Russ.)
2. Azarenkov A.A. «*Bufernaya chetyrekhkhvostka*»: *vybornye kampanii v predstavitel'nye organy vlasti Dal'nevostochnoy respubliki* ["Buffer Four-tails": Election Campaigns to the Representative Authorities of the Far Eastern Republic]. Komsomol'sk-na-Amure, Izd-vo Komsom.-na-Amure gos. ped. un-ta Publ., 2001, 77 p. (In Russ.)
3. Azarenkov A.A. «*Demokraticheskiy kompromiss*»: *ideya «bufera» na Dal'nem Vostoke v planakh i taktike politicheskikh sil — uchastnikov grazhdanskoy voyny v Rossii (yanvar' 1920 — yanvar' 1921)* ["Democratic Compromise": the Idea of a "Buffer" in the Far East in the Plans and Tactics of Political Forces — Participants in the Civil War in Russia (January 1920 — January 1921)]. Komsomol'sk-na-Amure, Izd-vo Komsom.-na-Amure gos. ped. un-ta Publ., 2001, 152 p. (In Russ.)

4. Azarenkov A.A. Metody likvidatsii Dal'nevostochnoy respubliki v 1922 godu [Methods of Liquidation of the Far Eastern Republic in 1922]. *Voprosy istorii*, 2006, no. 8, pp. 94—105. (In Russ.)
5. Azarenkov A.A. *Politicheskaya model' Dal'nevostochnoy respubliki: mekhanizm funktsionirovaniya institutov vlasti «bufernogo» gosudarstva (1920—1922 gg.)* [The Political Model of the Far Eastern Republic: the Mechanism of Functioning of the Institutions of Power of the “Buffer” State (1920—1922)]. Komsomol'sk-na-Amure, Izd-vo Komsom.-na-Amure gos. ped. un-ta Publ., 2001, 94 p. (In Russ.)
6. Belikova L.I. *Kommunisty Primor'ya v bor'be za vlast' Sovetov na Dal'nem Vostoke* [Communists of Primorye in the Struggle for Soviet Power in the Far East]. Vladivostok, Prim. kn. izd-vo Publ., 1967, 293 p. (In Russ.)
7. *Bor'ba za vlast' Sovetov v Primor'e (1917—1922 gg.)*. Sb. dok. [The Struggle for the Power of the Soviets in Primorye (1917—1922). Collection of Documents]. Vladivostok, Prim. kn. izd-vo Publ., 1955, 831 p. (In Russ.)
8. Vasilevskiy V.I. K voprosu o parlamentarizme v DVR [On the Issue of Parliamentarism in the Far Eastern Republic]. *Iz istorii Dal'nevostochnoy respubliki: sb. nauch. tr.* [From the History of the Far Eastern Republic. Proceedings]. Vladivostok, DVO RAN Publ., 1992, pp. 48—54. (In Russ.)
9. *Dal'nevostochnaya politika Sovetskoj Rossii (1920—1922 gg.)*. Sbornik dokumentov Sibirskogo byuro TsK RKP(b) i Sibirskogo revolyutsionnogo komiteta [Far Eastern Policy of Soviet Russia (1920—1922). Collection of Documents of the Siberian Bureau of the Central Committee of the RCP(b) and the Siberian Revolutionary Committee]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf Publ., 1995, 371 p. (In Russ.)
10. *Dal'nevostochnaya respublika. Stanovlenie. Bor'ba s interventsiyey. Fevral' 1920 g. — noyabr' 1922 g.* Dok. i mat. V 2 ch. [Far Eastern Republic: Formation. The Fight against Intervention (February 1920 — November 1922): Documents and Materials. In 2 Parts]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 1993, part 1, 312 p. (In Russ.)
11. *Dal'niy Vostok Rossii v period revolyutsiy 1917 goda i grazhdanskoj voyny* [The Russian Far East during the Revolutions of 1917 and the Civil War]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2003, 632 p. (Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 1 [The History of the Russian Far East. Vol. 3. Book 1]). (In Russ.)
12. Egunov N.P. *Ocherki istorii Dal'nevostochnoy respubliki* [Essays on the History of the Far Eastern Republic]. Ulan-Ude, Buryatskoe kn. izd-vo Publ., 1972, 116 p. (In Russ.)
13. Levkin G.G. Gosudarstvennaya politicheskaya okhrana Dal'nevostochnoy respubliki [State Political Guard of the Far Eastern Republic]. *Iz istorii Grazhdanskoj voyny na Dal'nem Vostoke (1918—1922): sb. nauch. st.* [From the History of the Civil War in the Far East (1918—1922). Collection of Scientific Articles]. Khabarovsk, 2017, iss. 7, pp. 125—138. (In Russ.)
14. Lenin V.I. *Poln. sobr. soch.* Izd. 5-e [Full Collection of Works. 5th Edition]. Moscow, Izd-vo polit. literatury Publ., 1982, vol. 51, 574 p. (In Russ.)
15. Mukhachev B.I. *Aleksandr Krasnoshchekov. Istoriko-biograficheskiy ocherk* [Alexander Krasnoshchekov. Historical and Biographical Essay]. Vladivostok, DVO RAN Publ., 1999, 284 p. (In Russ.)
16. Mukhachev B.I. Delo Krasnoshchekova [The Case of Krasnoshchekov]. *Rossiia i ATR*, 2022, no. 1, pp. 107—118. (In Russ.)
17. Nikiforov P.M. *Zapiski prem'era DVR: pobeda leninskoj politiki v bor'be s interventsiyey na Dal'nem Vostoke, 1917—1922 gg.* Izd. 2-e, pererab. [Notes of the Prime

- Minister of the Far East: the Victory of Lenin's Policy in the Fight against Intervention in the Far East, 1917—1922. 2nd Edition, Revised]. Moscow, Politizdat Publ., 1974, 191 p. (In Russ.)
18. Papin L.M. *Krakh kolchakovshchiny i obrazovanie Dal'nevostochnoy respubliki* [The Collapse of the Kolchak Movement and the Formation of the Far Eastern Republic]. Moscow, MGU Publ., 1957, 224 p. (In Russ.)
 19. Poznyak T.Z. «Bol'nye voprosy» i vnutripoliticheskoe polozhenie Dal'nevostochnoy respubliki v 1920—1922 godakh [“Painful Issues” and the Internal Political Situation of the Far Eastern Republic in 1920—1922]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2020, no. 4, pp. 51—62. (In Russ.)
 20. Poznyak T.Z. Prodovol'stvennaya problema i vnutripoliticheskaya situatsiya v Dal'nevostochnoy respublike v 1920—1922 godakh [Food Problem and Internal Political Situation in the Far Eastern Republic in 1920—1922]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii*, 2021, vol. 17, no. 2, pp. 195—207. (In Russ.)
 21. Poznyak T.Z. Realii Dal'nevostochnoy respubliki v otchetakh organov oblastnykh upravleniy i Gospolitokhrany [Realities of the Far Eastern Republic in Reports of Regional Administrations and State Political Protection]. *Itogi i perspektivy razvitiya istoricheskoy nauki na Dal'nem Vostoke Rossii* (Desyatye Krushanovskie chteniya, 2021 g.) [Results and Prospects for the Development of Historical Science in the Russian Far East (10th Krushanov Readings, 2021)]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2021, pp. 119—130. (In Russ.)
 22. Poznyak T.Z. Sozдание mestnykh organov vlasti v Dal'nevostochnoy respublike: deklaratsii i real'nost' [Formation of Local Authorities in the Far Eastern Republic: Declarations and Reality]. *Rossiya i ATR*, 2020, no. 2, pp. 63—79. (In Russ.)
 23. *Protokoly 3-y Dal'nevostochnoy kraevoy konferentsii RKP (bol'shevikov) 9-go — 17-go iyunya 1921 goda* [Protocols of the 3rd Far Eastern Regional Conference of the RCP (Bolsheviks) June 9—17, 1921]. Chita, Dal'byuro TsK RKP(b) Publ., 1921, 67 p. (In Russ.)
 24. Sonin V.V. *Stanovlenie Dal'nevostochnoy respubliki (1920—1922)* [The Formation of the Far Eastern Republic (1920—1922)]. Vladivostok, DVGU Publ., 1990, 352 p. (In Russ.)
 25. Tsipkin Yu.N. Dal'nevostochnaya respublika: opyt demokraticheskoy al'ternativy [The Far Eastern Republic: Experience of a Democratic Alternative]. *Iz istorii Grazhdanskoy voyny na Dal'nem Vostoke (1918—1922 gg.)* [From the History of the Civil War in the Far East (1918—1922)]. Khabarovsk, 1999, iss. 1, pp. 119—146. (In Russ.)
 26. Shereshevskiy B.M. *V bitvakh za Dal'niy Vostok (1920—1922)* [In the Battles for the Far East (1920—1922)]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie Publ., 1974, 187 p. (In Russ.)
 27. Shereshevskiy B.M. *Razgrom semenovshchiny. (Aprel' — noyabr' 1920 g.). O roli DVR v bor'be za likvidatsiyu «chitinskoy probki» i ob'edinenie Dal'nego Vostoka* [Destruction of the Semyonovshchina. (April—November 1920). On the Role of the Far East in the Struggle for the Elimination of the “Chita Traffic Jam” and the Unification of the Far East]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie Publ., 1966, 240 p. (In Russ.)
 28. Shurygin A.P. Dal'byuro TsK RKP(b) v gody grazhdanskoy voyny (1920—1922 gg.) [Dalburo of the Central Committee of the RCP(b) during the Civil War (1920—1922)]. *Voprosy istorii KPSS*, 1966, no. 8, pp. 55—62. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 19.04.2022